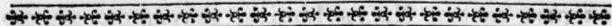

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СЪ ВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1835. № XXXIX и XL.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СИНИЙ ЧУЛОКЪ (*).

(Повѣсть Полядига) (**).

§ I.

Американскій завтракъ.

То было въ одно прелестное и обманчивое весеннее утро, когда живительная теплота солнца вызываетъ изъ дома подышать благо-
распвореннымъ воздухомъ, а между тѣмъ холод-
ный и пронзительный вѣтеръ потчасъ заста-
вляетъ гуляющихъ возвратиться къ камельку.
Однимъ словомъ, тогда была погода слишкомъ

(*) Напоминаемъ нашимъ читателямъ, что синими чулками называютъ, въ Англіи и въ Америкѣ, женщинъ, которыя выдаютъ себя за ученыхъ. Это выраженіе можно бы было перевести словами: *Женица изъ уче-
ныхъ*.

(**) Изъ книги: Salmigondis, Contes de toutes les couleurs.

теплая, чтобы не совѣстно было надѣть сюртукъ, слишкомъ свѣжая, чтобы можно было обойтись безъ него, погода, во время коей на одной сторонѣ улицы печетъ васъ солнце, на другой вы въ тѣни дрожите.

Г. Лейпфутъ Ли сидѣлъ за столомъ съ дочерью своею, Миссъ Люціей, дѣвушкою милою и хорошенькою, хопя нѣсколько изысканною въ обращеніи; она въ это время занималась сопоставленіемъ на цѣлый день собственнаго мнѣнія, читая послѣдній нумеръ Лондонской Литературной Газеты, и опмѣчая карандашемъ книги, одобренныя ея оракуломъ, чтобы попросить ихъ изъ Библіотеки для чтенія. Предметы болѣе важные обращали на себя вниманіе Г-на Ли. Въ одной рукѣ держалъ онъ часы, въ другой Журналъ и, сказавъ мимоходомъ, это послѣднее обстоятельство есть отличительная черта Сѣверо-Американца. Но потомъ, о которомъ говоримъ мы, забывалъ въ эту минуту неизбѣжный Журналъ свой, и не спускалъ глазъ съ часовъ. Онъ имѣлъ на это причины не маловажныя.

Г. Ли былъ чрезвычайно разборчивъ въ вареніи яицъ, и увѣрялъ, что это требуетъ болѣе осмотрительности, болѣе умѣнья, чѣмъ всѣ другія отрасли повареннаго искусства. Посему приготовленія къ совершенію сего важнаго предпріятія дѣлались у Г. Ли со всею надлежащею торжественностію. Во-первыхъ, онъ сѣлся у стола съ часами въ рукахъ, потомъ

отворялись двери споловой, въ которой былъ его главная квартира, и всѣ другія до самой кухни. Въ дверяхъ споловой спанился Юба, старый слуга, облеченный полною довѣренностью своего господина; въ дверяхъ слѣдующей комнаты кучеръ Помпей, далѣе на лѣспинцѣ, лакей Веніаминъ; наконецъ въ кухнѣ стояла кухарка Долли, наблюдая за горшкомъ съ горячей водою, и держа въ рукахъ сѣтку съ яйцами. Вдругъ Долли вскрикиваетъ звонкимъ голосомъ. »Кипитъ!« — »Кипитъ!« восклицаетъ Веніаминъ, а за нимъ великій Помпей и Юба Нумидійскій. — »Клади!« провозглашаетъ Г. Ли. Трое часовыхъ повторяютъ команду, и Долли опускаетъ яйца въ воду. Черезъ полторы минуты (ни секундою больше или меньше) господинъ кричитъ: »Готово!« и часовые повторяютъ окликъ. Совершенство этого маневра состояло въ томъ, чтобы Долли вынула яйца изъ воды ровно въ пол-секунды послѣ того, какъ услышитъ послѣдній отголосокъ слова: *готово!*

Въ этотъ разъ яйца сварены были хорошо, и Г. Ли, завтракая съ удовольствіемъ, читалъ Журналъ свой съ размышленіемъ; вдругъ онъ вздрогнулъ, всталъ, топнулъ ногою и началъ бѣгать по комнатамъ, восклицая: »это несносно!«

— »Что съ вами! батюшка? Развѣ яйца пересварены? Развѣ вы страдаете перзательной болью подагры, или припадками какой либо другой гепатической болѣзни?...«

— »Гепатической болѣзни! Брось ты свои ученые слова, Люція. Неужели ты не можешь говорить просто по-Англійски?....«

— »Вы знаете, милый батюшка, что Англійскій языкъ много измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ вы ему учились.«

— »Знаю, знаю; я вижу, что мнѣ придется снова ходить въ школу, чтобы понимать васъ съ Г. Готтшекомъ; вашъ языкъ для меня словно Греческій.«

— »Г. Готтшекъ Поэтъ, сударь.«

— »А почему же бы Поэту не говорить такъ, какъ люди, особенно о предметахъ обыкновенныхъ?«

— »Ахъ, сударь! глаза Поэта непрерывно кружатся въ благородномъ изступленіи; онъ смотритъ на вещи не такъ, какъ простые люди; для него пространство всегда наполнено существами воздушными...«

— »Да, мухами, мошками, комарами,« сказалъ Г. Ли съ насмѣшливымъ видомъ. Люція нахмурилась и замолчала.

— »Но это несносно! это жестокая неудача!« говорилъ Г. Ли, продолжая ходить большими шагами по комнатѣ, и сложивъ на спинѣ руки.

— »Что же васъ печалило, батюшка?« спросила Люція съ безпокойствомъ.

— »Какъ! что меня печалило!« вскричалъ онъ, нагнувъ къ ней лице, воспламененное гнѣвомъ: »негодяй Чарльсъ не получилъ первой

награды! я сейчас узналъ это изъ газеты... О лѣнпий! а я заранѣе радовался торжеству его.... Посмотри, онъ послѣднимъ въ спискѣ!»

— »Только-то, батюшка? Признаюсь вамъ откровенно, что я радуюсь за брата: Г. Гомшекъ не разъ увѣрялъ меня, что геній презираетъ схоластическіе пупы, и паритъ на крилахъ....«

— »Вороны, сударыня!« сказалъ спарикъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе всегда прерывать поэпическіе порывы своей дочери, и если бы она не была однимъ изъ добрейшихъ существъ лазурнаго племени, то конечно бы въ эту минуту разсердилась.

— »Мерзавецъ прійдетъ завтра; мнѣ, право, хотѣлось бы вышолкать его за дверь.«

— »Кого это, батюшка?«

— »Кого! разумеется твоего брата Чарльса!«

— »За что же?«

— »За то, что онъ не получилъ первой награды, негодный мальчишка! Само собою разумеется, что я бы и не подумалъ объ этомъ, если бы не былъ заранѣе увѣренъ, что онъ получитъ первую награду. Онъ знаетъ, что мнѣ этого хочется, и непременно долженъ бы былъ исполнить мое желаніе. Я не могу снести этой неудачи. Я его выгоню изъ дому; это вѣрно.«

— »А если вы его выгоните въ одну дверь, я его введу въ другую; это также вѣрно. Я очень рада моему милому брату Чарльсу, хотя онъ и не получилъ первой награды.«

Разговоръ былъ прерванъ Г. Файрвинперомъ, сосѣдомъ, товарищемъ и другомъ Г. Ли. Онъ вошелъ безъ церемоній. Эти два человека питали другъ къ другу привязанность, которую противоположность ихъ характеровъ всегда поддерживала. Одинъ смотрѣлъ на все съ важной стороны, другой надо всемъ шунилъ; одинъ уважалъ древнихъ, другой утверждалъ, что они не стоятъ башмака новѣйшихъ; наконецъ одинъ былъ пламеннымъ федералистомъ, другой бѣшенымъ демократомъ. Часто бывая вмѣстѣ, они не растворяли рта, чтобы не поспорить, и это именно скрѣпляло ихъ дружбу. Г. Ли былъ человекъ ума не плодотворнаго, товарищъ его тоже, и если бы они во всемъ соглашались, то разговоры ихъ были бы непродолжительны, за недостаткомъ пищи. Но какъ они обо всемъ на свѣтъ думали неодинаково, то довольно было одного слова, чтобы завести споръ на цѣлый день.

— »Какое прекрасное утро!« сказалъ Файрвинперъ, потирая руки.

— »Я совсѣмъ съ вами несогласенъ,« отвѣчалъ Г. Ли.

— »Да посмотрите, какъ солнце ярко свѣдитъ.«

— »Да помилуйте, мой почтеннѣйшій! развѣ вы не видите этого густаго, сыраго тумана, котораго лучи его проникнуть не могутъ? Нынче холодно, какъ въ Декабрѣ.«

— »Напрошивъ, тепло, какъ въ Юнѣ.«

— «Ба!» сказали потъ, и машинально вышли съ своимъ другомъ изъ дому. На каждомъ перекресткѣ они останавливались, снова начинали потъ же споръ, который продолжался во всю прогулку, и возвратились домой величайшими пріятелями, потому, что помогли другъ другу провести цѣлое утро. Г. Ли пригласилъ соседа къ обѣду, и потъ обѣщать прійти.

— «Надобно признаться,» сказалъ Г. Ли своей дочери, «что Файрвигеръ взбѣспъ хотъ свлпгаго! Я не знаю челоѡька упрямѣ, безполковѣ, вздорнѣ, вспльчивѣе...»

— «Помилуйте, батюшка! да всѣ говорятъ, что Г. Файрвигеръ никогда не сердится.»

— «Да, но онъ сердитъ другихъ, а это еще хуже.»

§ II.

Необходимый для того, чтобы понять первый.

Лейфутъ Ли принадлежалъ къ фамиліи, столь же почтенной по своей древности, какъ по достоинствамъ умершихъ своихъ членовъ и нынѣшняго своего представителя. Онъ имѣлъ обширныя помѣстья въ одномъ изъ южныхъ Штатовъ, но жилъ въ то время въ Нью-Йоркѣ, чтобы довершить воспитаніе единственной своей дочери, Люціи. Г. Ли былъ челоѡькъ образованный, и зналъ свѣтъ, умѣлъ цѣнить простоту въ рѣчахъ и обхожденіи. Онъ терпѣть не могъ, когда говорятъ для того, чтобы про-

известны эффектъ, когда въ разговоръ простой и пріятный втѣшвають высокопарныя фразы или пошлыя цѣпины, произносимыя пономъ оракула.

Не мудрено, что съѣдимъ непреодолимымъ отвращеніемъ къ принужденности, онъ ненавидѣлъ все племя синихъ чулковъ; но никого не любилъ онъ такъ мало, какъ одного изъ обожателей красоны и богатства Миссъ Люціи, Фицъ-Джилл Гопшека. По словамъ почитателей Г. Гопшека, онъ писалъ стихи, достойные Лорда Байрона; а Г. Ли сравнивалъ лучшія его пворенія съ аэролипами, которые блестятъ на минушу, летя по воздуху, а при ближайшемъ разсмотрѣніи представляють безжизненную массу, холодную и темную.

Люція была женщина, одаренная здравымъ умомъ и милымъ чистосердечіемъ, но между тѣмъ удивлялась Гопшеку. Онъ писалъ много, думалъ мало, говорилъ безпрестанно. Судьи непреложные провозгласили его лучшимъ подражателемъ величайшаго генія нашего вѣка: объ немъ говорено было даже въ Лондонской Литературной Газетѣ. Разсуждая о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, онъ выпускалъ метафоры за метафорами, которыя слѣдовали однѣ за другими, какъ ракеты въ фейерверкѣ, и захвативъ какой нибудь предметъ, онъ кружился около него, какъ голубь около своей подруги.

Къ сожалѣнію надобно сказать, что наша героиня была нѣсколько синевапа; и когда

отблескъ Гопшица усиливаль въ ней эпопѣ-опшѣнокъ, языкъ ея ошановилсѣ *сильнымъ*, криши-ка *положительнымъ*, шонъ *рѣшительнымъ*. Между шѣмъ, когда ея не возбуждало прикоснове-нiе ума, зараженнаго шѣмъ же сумасбродствомъ, Природа превозмогала, и она снова спановиласѣ простою, крошкою и разсудительною. Но эпо минушѣ были непродолжительны, и шщеславiе ея загоралосѣ, какъ скоро она выходила изъ домашняго круга, въ которомъ, какъ она върояш-но думала, блисшашѣ не сполло. Однимъ словомъ, Миссѣ Люцiа была богашая наследница, краса-вица, модная женщина, но — *синiй чулокъ*, и эпо все поршило.

На другое ушро, послѣ проведеннаго нами разговора, приѣхалъ Чарльсѣ Гигфильдъ: дядя не выгналъ его, а Люцiа встрѣшила сѣ милою улыб-кою, хотя и не имѣла случая доказать ему свою дружбу, введя его снова въ домъ. Между шѣмъ старикъ Ли принялъ любимаго имъ пле-мянника весьма холодно. — »Я воспитывалъ те-бя, Чарльсѣ,« сказалъ онъ, »чтобы сдѣлать изъ тебя челошѣка.«

— »Дядюшка,« ошвѣчалъ Чарльсѣ: »я надѣюсѣ, что вы не имѣете причинъ бытъ недовольны мною. Увѣрю васъ, что я училсѣ день и ночь.«

— »Видно, ты встрѣшилъ неудачи,« сказалъ дядя сухо.

— »Случалосѣ, дядюшка, но я стремилсѣ къ главной цѣли, и надѣюсѣ, что вы довольны.«

— »Нѣтъ, сударь! недоволенъ, совсѣмъ недоволенъ! Накажи меня Господь Богъ, если я когда нибудь прощу тебя!« И добрый старикъ, по обыкновенію, попалъ ногами.

Чарльсъ посмотрѣлъ на Люцію, какъ бы спрашивая о причинѣ этого взрыва. Люція сдѣлала таинственную ужимку и не сказала ни слова.

— »Позвольте васъ спросить, сударь,« сказалъ Чарльсъ Гиггилдъ, который иногда бывалъ гордъ, какъ Люциферъ: »позвольте спросить васъ, чѣмъ заслужилъ я подобный пріемъ отъ моего благодѣтеля?«

— »Мнѣ спрaxe хочется выгнать тебя изъ дому.«

— »Это совсѣмъ ненужно: я и самъ выйду,« сказалъ Чарльсъ, взявъ шляпу.

— »Признайсь, сударь, что вы величайшій въпренникъ.«

— »Если я въпренникъ, дядюшка, то виновата въ этомъ Природа, которая создала меня такимъ.«

— »Мнѣ право хотѣлось бы послать тебя опять въ школу, чтобы снова начать ученіе.«

— »Какъ? опять Греческую азбуку, *pons asinorum*, *плюсъ* и *минусъ*, самую неспособную работу, сочиненія ни о чемъ, и самую скучную заботу на свѣтѣ, экзамены? Нѣтъ, дядюшка! избавьте меня отъ этой поперѣ времени.«

— »Ты стоишь этого наказанія.«

— »Дядюшка, благодѣтель мой!« сказалъ

Чарльсъ, взявъ Г. Ли за руку: »ежели я огорчилъ васъ, то погѣрыпе, пропивъ воли. Ежели я сдѣлалъ что нибудь вамъ противное, если я забылъ какое нибудь доказательство покорности, благодарности, привязанности къ вамъ, то скажите мнѣ опкровенно, и я искренно буду сожалѣть объ этомъ, и всѣми силами постараюсь загладить вину мою. Что же я сдѣлалъ, или чего не исполнилъ?»

— »Право,« подумала Люція: »онъ напоминаетъ мнѣ Готтшека; онъ краснорѣчивъ!«

Слезы навернулись на глазахъ Г. Ли при этомъ воззваніи его племянника. »Ты позволилъ перебить у себя первую награду!« вскричалъ онъ съ негодованіемъ и вмѣстѣ съ нѣжностію. »О Чарльсъ! Чарльсъ!«

— »Я получилъ ее, дядюшка, и получилъ честно, безъ обиды другимъ, хотя совмѣстникомъ моимъ былъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ учениковъ.«

— »Какъ! ты получилъ первую награду?»

— »Да, дядюшка. Журналы, какъ видно, ошиблись, и смѣшали меня съ величайшимъ глупцомъ во всемъ нашемъ классѣ. Я бы долженъ былъ написать къ вамъ объ этомъ, но мнѣ хотѣлось уведомить васъ лично.«

— »Чарльсъ мой!« сказалъ добрый епарикъ, »дай мнѣ руку. Я бы долженъ былъ знать, что пвоя мать передала тебѣ право на первую награду. Всѣ лица нашего семейства во всемъ бывали первыми. А эти безмозглые Журналисты!

Они и со мной хорошую штуку сдѣлали: напечапали недавно, что я продаю лошадь съ спворчапыми дверями и мраморными камнями! Поди же сюда, Люція, поздравь меня.»

— «Не могу, батюшка; мнѣ завидно.»

— «Погоди, ты и не въ мои лѣта, будешь любить его не меньше моего.» — Почему вы знаете, батюшка?» подумала Люція. Между тѣмъ, когда она ушла въ свою комнату, это пророчество невольно ее занимало. »Надобно признаться, что Чарльсъ не дурень,« говорила она сама себѣ: »онъ спроенъ; глаза у него прекрасные; но что значить красота въ мужчинѣ! Ему нужны умъ, энтузіазмъ, душа; только это обличаетъ его божественное происхожденіе. Онъ, конечно, не глупъ, когда получилъ первую награду; но Г. Гопшекъ говоритъ, что въ школахъ молодые люди самые посредственные всегда болѣе другихъ успѣваютъ. Я замѣтила припомъ, что онъ говоритъ, какъ всякой обыкновенный человѣкъ, и я бьюсь объ закладъ, что онъ никогда не писалъ стиховъ; а я выйду замужъ не иначе, какъ за человѣка, одареннаго поэтическимъ вдохновеніемъ. — Конечно, Г. Гопшекъ совсѣмъ не такъ хорошъ, какъ Чарльсъ; но у Чарльса нѣтъ этой свѣтской пріятности, которую Гопшекъ надѣленъ въ такой высокой степени; въ рѣчахъ его нѣтъ этой быстроты, этой поразительной силы, которыя придаютъ такой блескъ мыслямъ столь оригинальнымъ, столь глубокимъ, что я даже не понимаю Гоп-

шека въ минуны его вдохновенія. Чарльсъ хорошъ, ловокъ; но онъ одѣвается не совсѣмъ по модѣ, и я увѣрена, что онъ не умѣетъ вальсировать.»

Не знаю, сколько времени продлились бы эти мечтанія, если бы Миссъ Люціи не позвали ѣхать за покупками съ родственницею ея, Миспресъ Котесъ, одною изъ самыхъ маленькихъ женщинъ, какія только когда либо существовали. Миспресъ Котесъ воспитана была въ Англіи по обычаю, который до революціи существовалъ у богатыхъ колонистовъ, и который сохранился нынѣ только у величайшихъ невѣждъ. Она вышла замужъ весьма молодыхъ лѣтъ за Англійскаго офицера, состоявшаго въ дальнемъ свойствѣ съ двумя знапными семействами. Имена и пишла сихъ лицъ соснавли главное содержаніе разговоровъ Миспресъ Котесъ, которая при всякомъ случаѣ толковала о Сирѣ Клудеслѣ Шовелѣ и Сирѣ Ричардѣ Гальмонѣ, благородныхъ ея родственниковъ, и которая, чтобы выказать непоколебимый шоризмъ свой, непрерывно ругала этого *Бонпарта*, какъ она называла его. Послѣ воспоминаній о сношеніяхъ своихъ съ Англійскими аристократами, она всего охотнѣе говорила о развитіи челоувческаго ума, о ходѣ вѣка, о быстрыхъ успѣхахъ мышленія, наконецъ о чудесахъ паровой машины, которую она славилла выше всѣхъ челоувческихъ машинъ, ей извѣстныхъ, за исключеніемъ одного только Г. Фидъ-Джилла Голшше-

ка. Къ нему пидала она безпредѣльное уваженіе, потому, что онъ, по словамъ ея, писалъ, какъ Байронъ, и говорилъ, какъ ураганъ. »О! моя милая!« сказала она въ сотый разъ Люціи, »если бы Г. Готшекъ только захотѣлъ, у насъ былъ бы еще одинъ великій человѣкъ.«

§ III.

С и н е е у т р о .

Обѣхавъ пріста шестидесятъ пять магазиновъ, чтобы купить поясокъ, Миспресъ Котесъ выбрала наконецъ шестнадцатипяти-ную ленту, а какъ было еще рано, то она предложила Миссъ Люціи съѣздить къ Миссъ Эппльби, у которой всегда услышишь множество литературныхъ новостей. Онъ нашли тамъ Г. Готшека и двоихъ или троихъ синихъ, которые разсуждали о предметахъ величайшей важности. Г. Фицъ-Джилъ Готшекъ былъ хотя не великій человѣкъ, но человѣкъ весьма необыкновенный. Онъ вѣчно шагаль по улицамъ или разглазливовалъ въ гостиной, въ кругу своихъ почтапателей, или въ заломъ окна, куда запахивтъ какого нибудь доброхотнаго слушателя. Незамѣтно было, чтобы онъ когда либо учился, и никто не могъ постичь, какимъ образомъ пріобрѣлъ онъ свои рѣдкія познанія. Онъ зналъ навѣрное, сколько колець носила Миссъ Эджевортъ на мизинцѣ лѣвой руки, и изъ сколькихъ стеколъ состоятъ большое готическое окно въ кабинетѣ Вальтера-Скотта. Онъ зналъ и

Автора Пельгама, имена всѣхъ Редакторовъ Англійскихъ Обозрѣній (Review), и сами эти великіе Критики не судили о книгахъ такъ безошибочно, какъ онъ. Кромѣ Г. Гомпшека, общество состояло изъ Гг. Пуддинггама, который такъ усердно воздѣлывалъ неглубокую почву ума своего, что преждевременно довелъ ее до безплодности; Паддлесторда, Проссера, Рота, Критика угрюмаго и рѣзкаго, и Миссъ Оверендъ, Секретаря одного Филантропическаго Общества и Члена Исполнительнаго Комитета Женскаго Общества въ пользу Грековъ.

Желалъ бы я, почтенные мои читатели, чтобы вы сами могли созерцать это блистательное созвѣздіе, потому, что я не въ состояніи исчислить всѣхъ порывовъ воображенія, необъемлемыхъ и непоспимыхъ бездѣлокъ, важныхъ общихъ мѣстъ и неслыханныхъ словъ, которыя блистали въ одно засѣданіе лазуреваго общества. Тутъ мысль-карлица являлась, облеченная въ гигантскія выраженія; тамъ неправильныя метафоры, безъ порядка набросанныя, закрывали неподѣльныя нелѣпости. Но за то не видно было ни искры натуральной веселости, не слышно простиыхъ, свободныхъ разговоровъ, которые освѣжаютъ упомянутый умъ, не замѣтно обмѣна идей и чувствованій. Все было напаянуто, приготовлено для произведенія эффекта, всякой рапоборствовалъ, нахмурилъ брови, нагнувъ голову, какъ спрьлецъ, направляющій спрьму въ цѣль опшдаленную.

Впрочемъ, хотя и чувствую всю невозможность дать читателямъ моимъ надлежащее понятіе объ этомъ упоминномъ разговорѣ, но приведу нѣсколько опрысковъ изъ онаго, хотя для того только, чтобы показать дѣвцамъ не Литераторамъ, если таковыя еще имѣются, что такое *языкъ сильный*. Признаюсь впрочемъ, что я съ неудовольствіемъ принимаюсь за эту работу, потому, что болѣе чѣмъ кто либо, ненавижу упорныя пренія, поддѣльный энтузіазмъ и принужденность въ чемъ бы то ни было. Если все это непріятно въ мужчинѣ, то въ женщинѣ, которой дѣло не раздражаетъ, но соглашаетъ, которой голосъ долженъ быть пріятенъ, какъ эхо долины, которой владычество основано на кропотливости, любезности, скромныхъ добродѣтеляхъ — такое опустошеніе опъ пупи, предначертаннаго Природою, совершенно опвратительно.

— «Утверждаю,» кричала Миссъ Эппльби: «что Пельгамъ книга безнравственная. Если бы Авторъ хотя сколько нибудь уважалъ священныя правила, Веспальный огонь, опъ коего зависѣло существованіе Рима, и на которомъ, дѣйствительно, основываются всѣ узы, связующіе человѣковъ, то онъ иначе говорилъ бы о своей матери.»

— «Но послушайте, Миссъ Эппльби,» сказалъ Готтшекъ: «Авторъ такъ же мало можетъ опвѣчать за дѣйствіе, которое произведетъ его книга, какъ человѣкъ за пресупленія дѣтей сво-

ихъ. Чтобы объяснить мысль мою, я долженъ, во-первыхъ, доказать, что...»

— «Но, сударь,» сказала классикъ Пуддингамъ, прерывая рѣчь Гопшека: «Авторъ дурной книги виновенъ предъ обществомъ. Общество, сударь, есть сочетаніе разныхъ лицъ, которыхъ чувствованія, впечатлѣнія, ощущенія...»

— «Любезный Пуддингамъ!» закричалъ Ропъ: «Пельгамъ книга безнравственная по созданію, по исполненію, по изложенію, по развязкѣ; Сиръ...»

— «Сиръ Клудеслей Шовель,» вскричала Мисприсъ Копесь.... и никто не узналъ, что хотѣла она прибавить къ этому имени, потому, что Г. Гопшекъ помѣшалъ ей договорить, сказавъ: «Сиръ Францискъ Баконъ...» — «Сиръ Ричардъ Гаммонъ,» возразила Мисприсъ Коапесь. — «Докторъ Джонсонъ утверждаетъ... — Эдмбургское Обозрѣніе говоритъ... — Четырехмѣсячное Обозрѣніе... — Литературная Газета... — Блаквудовъ Магазинъ...» воскликнули присутствующіе всѣ въ одно время и крича во все горло. Въ эту минуту проходилъ мимо дома Чарльсъ, и Миссъ Люція, желая блеснуть передъ нимъ своими палантами, позвала его, постучавъ въ окно. Во время вакацій, его уже рекомендовали хозяйкѣ дома, но общество, которое у ней собиралось, было ему совсѣмъ не по вкусу; онъ даже позволялъ себѣ иногда подсмѣиваться надъ геніями, его составлявшими.

Приходъ его прекратилъ пренія о Пельгамъ, и потокъ принялъ другое направленіе.

— «Что вы думаете о Гольдсмитъ?» сказала Миссъ Эппльби Чарльсу, послѣ обычныхъ пріѣздовъ.

— «Признаюсь, сударыня, что я совсѣмъ не готовъ отвѣчать на подобный вопросъ. Но мнѣ кажется, что Гольдсмитъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ, самыхъ остроумныхъ, самыхъ прогавельныхъ нашихъ Писателей.»

— «Онъ не обладаетъ могуществомъ, сударь,» сказалъ Пуддинггамъ: «во всѣхъ его сочиненіяхъ нѣтъ ничего поразительнаго.»

— «У него нѣтъ силы, сударь,» вскричалъ Готшекъ громовымъ голосомъ. «Въ словахъ его нѣтъ энергіи, всѣмъ повелѣвающей. У него нѣтъ усилій, нѣтъ боренія съ яростными бурями, таящимися въ глубинахъ человѣческаго сердца, бурями, которыя волшебный жезлъ нынѣшнихъ геніевъ всемошно вызываетъ. Что касается до меня, то я не дамъ щепотки табаку за творенія, которыя не возбуждаютъ страстей. Байронъ весь страсть.»

— «Мордъ Байронъ былъ дальній родственникъ двоюроднаго брата моего мужа,» сказала Мистрисъ Котесъ.

— «О! весь страсть!» вскричала Миссъ Эппльби.

— «Весь страсть,» сказала Миссъ Оверендъ. И Паддлефордъ, Проссеръ, Люція, всѣ воскликнули хоромъ: «весь страсть!»

— «Положимъ, что такъ,» сказалъ Гигфильдъ:

мно мнѣ кажется, что Писатель не долженъ вѣчно выходить изъ себя; не обязанъ непрерывно находиться подъ вліяніемъ какой нибудь сильной страсти. И бы избѣгалъ общества челоѣка, который бы безпрестанно проклиналъ судьбу свою, билъ себя въ грудь и говорилъ только о самоубійствѣ; точно также не люблю я и книгъ, которыя обращаются только къ самымъ буйнымъ нашимъ чувствованіямъ. Укротить, умерить эти чувствованія есть, по моему мнѣнію, самая полезная цѣль произведеній воображенія. Но, прибавилъ онъ съ улыбкою: «въ мои лѣта приличнѣе слушать, чѣмъ проповѣдывать. Извините, что я говорилъ такъ долго.»

Готшекъ пожалъ плечами, посматрѣвъ на Люцію, какъ будто хотѣлъ сказать: — вашъ братецъ челоѣкъ весьма посредственный. Между тѣмъ мысли его казались Люціи довольно справедливыми, но какой необыкновенный челоѣкъ говорилъ когда либо въ столь простыхъ выраженіяхъ! Готшекъ рѣшился однимъ разомъ убить новаго своего соперника.

— «Неужели, сударь,» возразилъ онъ торжественнымъ тономъ: «неужели вы хотите сказать, что страсть не есть душа краснорѣчія, жизнь Поэзіи, звѣзда, которая зажигаетъ огонь убѣжденія? Не она ли придаетъ мечу Поэта лезвие его; книжалу Оратора его острохонечіе, жару любви розовые цвѣты его, огню мщенія его плоды пурпуровые?»

— «Прекрасно! превосходно!» сказала, взды-

хая, Люція. »Какой приливъ словъ! какой попокъ идей! какое чудное обиліе метафоръ! Дѣло въ томъ, что Гопшекъ произносилъ свои безсмысленныя фразы съ такою самоувѣренностію, съ такою быстротою, что Люція, со всѣмъ своимъ здравымъ смысломъ, часпо обманывалась ихъ важною наружностію. Только на бумагѣ нелѣпость не можетъ укрываться.

— »Г. Гопшекъ!« сказалъ Гигфильдъ: »я не люблю спорить при дамахъ; мнѣ кажется, это такъ же не прилично, какъ драхъ въ ихъ присутствіи.«

— »Вы не любите спорить, разсуждать!« вскричали всѣ вмѣстѣ, и Люція съ прочими.

— »Признаюсь, я лучше хочу цѣлый мѣсяцъ безразсудствовати, чѣмъ одинъ часъ разсуждать догматически.«

— »Не любите догматическихъ преній!« вскричалъ Гопшекъ: »милостивый государь, да они оселокъ, на которомъ умъ изощряется, принимаетъ тончайшее лезвие, самую блестящую полировку.«

— »Какія прелестныя метафоры!« сказала вслухъ Люція.

— »Метафоры!« вскричала неученая Мистрисъ Котесъ. »Какъ же вы видите метафоры днемъ? Сдѣлайте одолженіе, покажите мнѣ ихъ.«

— »Тетушка,« отвѣчала Люція покраснѣвъ: »вамъ послышалось слово метеоры; я говорила о метафорахъ.«

— »Но скажите жъ наконецъ,« спросилъ съ

важностію Гопшекъ: »чему же учать въ школахъ?«

— »Логикъ,« отвѣчалъ Гигфильдъ, а...«

— »А что жъ такое Логика,« отвѣчалъ Гопшекъ, »если не искусство размышлять, разсуждать догматически?«

— »Милоспивый государь! это не совсѣмъ одно и то же: я часто слышалъ догматическія разсужденія, въ которыхъ было очень мало Логикъ.«

Гопшекъ, сбивый такимъ образомъ съ своей почки опоры, энтузіазма и декламациі, обидѣлся и спросилъ презрительно: — »Вы только это му и выучились въ школѣ?«

— »О нѣтъ; я узналъ тамъ также, изъ сколькихъ яблокъ и орѣховъ состоялъ ужинъ Типара.«

Весьма вѣроятно, что Г. Гопшекъ зналъ только чепырехъ Поэтовъ: великаго незнакомца, Лорда Байрона, Томаса Мура и себя, Гопшека. Посему онъ не зналъ, кто такой былъ Типаръ, и не понималъ сарказма Гигфильда. При томъ всякій челоуѣкъ, вдавшійся въ принужденность, нечувствителенъ къ насмѣшкамъ.

Къ счастью, въ это время вошла одна молодая дама въ шляпкѣ, сдѣланной по послѣдней Парижской модѣ; сила Природы восторжествовала надъ педантизмомъ, всѣ *синіа* окружили новопришедшую, и оставили двухъ знаменитыхъ противниковъ оканчивать борьбу наединѣ. Разговоръ обратился скоро на предметы, болѣе свѣпскіе.

— «Знаете ли вы,» сказала Миссъ Треддль (дама во Французской шляпкѣ): «что Бріеры представлялись Французскому Двору?»

— «Какъ! Бріеры представлялись Двору?» сказала Мистрисъ Котесъ: «ну да это только жъ Французскому Двору.» И это размышленіе потчасъ прекратило въ ней волненіе, произведенное мыслию, что любезныя ея пріятельницы пользовались оплечіемъ, котораго она всегда тщетно добивалась.

— «А я,» сказала Миссъ Эппльби, которая путешествовала по Европѣ, но не была представлена: «я никогда не хотѣла ѣздить ко Двору: говорящъ, что тамъ чрезвычайно скучно.» А между тѣмъ она вздыхала, завидуя счастію Бріеровъ.

— «Какъ пріятно, однако же,» сказала Миссъ Треддль: «быть посреди высшаго общества иностранныхъ Государствъ, видѣть особъ столь важнаго сана и пакъ выше тѣхъ, которыхъ мы здѣсь видимъ!»

— «Кто жъ это вамъ сказалъ, сударыня?» спросилъ Чарльсъ. — «Мистрисъ Винцентъ. Вы знаете, что она бывала при Дворѣ.»

— «Но вѣдь не при Англійскомъ Дворѣ,» сказала Мистрисъ Котесъ, съ нѣкоторымъ спрахомъ. — «Извините,» отвѣчала Миссъ Треддль, «именно при Англійскомъ; она сверхъ того присутствовала при стрижкѣ овецъ въ Гольманѣ и бывала на балахъ Лорда Мера и на Альма-скихъ.»

— «На Альмакскихъ балахъ (*)!» вскричала Миссъ Эппльби, нюхая спиртъ, чтобы не упаси въ обморокъ. — «На Альмакскихъ балахъ!» повторила Мистрисъ Комесъ: «не вѣрю. Подумайте только, что не смотрѣла на всѣхъ въ обществѣ родственниковъ моихъ, Спра Клу-десля Шовеля и Спра Ричарда Гаммона, и я сама на нихъ никогда не бывала. А Мистрисъ Винцентъ! прошу покорно! Дочь брадобрѣя и жена..... Нѣтъ, нѣтъ! это не возможно.»

Бѣдная Мистрисъ Винцентъ! какъ всѣ эпидамы ее ненавидѣли за то, что она побывала на Альмакскихъ балахъ!

— «Вы не бывали въ чужихъ краяхъ, Г. Гигфильдъ?» спросила Мистрисъ Комесъ.

— «Нѣтъ, сударыня, но я намѣреваюсь скоро поѣздить по Европѣ, чтобы избавиться отъ низкихъ мыслей о превосходствѣ чужихъ земель предъ нашею, мыслей, внушаемыхъ намъ всѣмъ, что мы читаемъ и слышимъ съ самаго младенчества. Стоишь путешествовать, хотъ бы только для того, чтобы избавиться отъ этихъ предразсудковъ.»

— «Какъ!» вскричали всѣ спснѣ: «вы не вѣрите превосходству иностранной Литературы предъ нашею?»

— «Нѣтъ! въ нынѣшнее время не вѣрю.»

(*) Это балы по подпискѣ, на которыхъ собирается только самое высшее Англіійское общество. *Прев.*

— »И превосходству иностраннаго обхожденія поже?«

— »Такъ же мало, какъ и превосходству иностранныхъ нравовъ.«

— »А Французская кухня?« сказалъ Пуддингъ.

— »А Англійская Поэзія?« вскричалъ Гопшекъ.

— »А Италіянское небо!« вскричала Миесь Оверендъ въ порывъ энтузіазма: »а изящныя произведенія Искусствъ, которыми можно удивляться только въ Италіи!«

— »А Лондонскій портеръ!« сказала Мисс-ресь Комесь.

— »Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!« отвѣчалъ Гигфильдъ: »я не вѣрю превосходству ничего этого. Что касается до вашего Италіянскаго неба, то одинъ мой пріятель увѣрялъ меня, что онъ прожилъ въ Италіи три мѣсяца, и не видалъ ни одного яснаго дня. Дѣло въ томъ, что понятіе наше объ Италіянскомъ небѣ почерпаемъ мы изъ Англійскихъ Поэтовъ, которые, видя у себя солнце только разъ или два раза въ году, таюуть опъ восторга, наслаждаясь блескомъ его на твердой землѣ. Тѣ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые судятъ по собственному опыту, признаются, что ни въ какой части Европы не видали они неба, котораго бы лазурь была чище, воздуха болѣе прозрачнаго, звѣздъ болѣе блестящихъ, чѣмъ у насъ, въ продолженіе большей части дней и ночей лѣ-

та и осени. Что касается до ихъ Венеры Медицейской, то мнѣ не нужно выходитьъ изъ этой комнапы, чтобы найпи смерпныхъ, которыя могутъ состязаться съ богинями древности;» — и онъ поклонился дамамъ. Каждая изъ нихъ приняла комплиментъ его на свой счетъ, и всѣ простили ему его литературное ерешество за правовѣріе въ этомъ отношеніи.

— »Я роспомъ ровнешенько съ Венеру Медицейскую,« сказала Мисприсъ Котесъ: и она забыла непочипительные сарказмы Гигфильда на счетъ Англійскаго неба. Вообще эти дамы, хотя и не могли преодолѣть своего предпочтенія ко всему иностранному, всасываемого съ молокомъ, но подумали что Чарльсъ Гигфильдъ молодой человекъ, учпивый и любезный; и Люція въ эту минупу нѣсколько полюбила его здравый разумокъ. Вслѣдъ за тѣмъ гости Миссъ Эпильби разошлись, радуясь, что провели упростоъ назидательно.

§ IV.

Польза добраго совѣта.

Хотя лѣта приводятъ за собою мудрость, но рѣдко случается, чтобы старики, пользуясь ея уроками, научались лучше управлять молодыми людьми. Старость разсуждаетъ, а молодость чувствуетъ; на первую дѣйствуетъ воспоминаніе огорченій, претерпѣнныхъ въ жизни; вторая увлекается надеждою; посему не удивительно, что они другъ друга такъ плохо по-

ипмають. Г. Ли лѣтъ десять разсуждалъ о томъ, какъ бы хорошо было женить племянника на дочери. Онъ былъ довольно богатъ для того, чтобы составить состояніе своему зятю; по лѣтамъ, Люція и Чарльсъ были пара; оба хороши, умны, любезны, и воспитывались вмѣстѣ, до тѣхъ поръ, какъ Чарльса отдали на нѣсколько лѣтъ въ школу. Посему взаимная любовь между ними была бы очень естественна; и добрый старикъ надѣялся на это, какъ будто опытъ не доказалъ ему, что происшествія самыя вѣроятныя не всегда сбываются. Онъ общилъ этотъ планъ другу своему Файрвигеру.

«Гигфильдъ станетъ жить у меня,» говорилъ онъ: «и слѣдственно будетъ имѣть случай понравиться моей дочери.»

— «Гораздо бы лучше было, если бы вы не пускали его къ себѣ въ домъ.»

— «Не пускайте племянника къ себѣ въ домъ? Вы шутите!»

— «Ни сколько!»

— «Да зачѣмъ же?»

Г. Файрвигеръ былъ послѣдователь школы Сократа, хотя зналъ этого Философа развѣ только по имени, потому что, какъ мы уже говорили, мало уважалъ древнихъ. Онъ продолжалъ слѣдующимъ образомъ:

— «Неужели вы не замѣчали, любезный другъ, что бракъ, по крайней мѣрѣ, говоря вообще, не достигаетъ цѣли своего установленія, то есть не доставляетъ благополучія?»

— «Понимаю, о чемъ вы хлопочете, Г. Файр-
вотеръ; вамъ хочется опутать меня сътью
вашихъ хитрыхъ вопросовъ; но я не намѣренъ
въ нее попадаться; нѣтъ, сударь, не намѣренъ,»
сказалъ Г. Ли, тряся головою.

— «Нѣтъ, нѣтъ, клянусь вамъ, что я со-
всѣмъ объ этомъ и не думалъ. Скажите мнѣ
только откровенно, замѣчали ли вы то, о чемъ
говорилъ я?»

— «Ну да, замѣчалъ; конечно, замѣчалъ,» от-
вѣчалъ Г. Ли перѣшиительно и чувствуя, что
находится въ положеніи мухи, которая запу-
тывается въ паутинахъ.

— «Хорошо! теперь не замѣчали ли вы, что
это неудобство происходитъ отъ того, что
мужъ и жена слишкомъ хорошо знаютъ недо-
сладки одинъ другаго, а еще болѣе отъ того,
что въ корешкѣ связи своей они теряютъ
спасительную принужденность, которая не по-
зволяетъ намъ предаваться своимъ слабостямъ,
своимъ дурнымъ изклонностямъ, въ обществѣ?»

— «Да, конечно, и это замѣнилъ.»

— «Хорошо! Не правда ли, что моло-
дые люди, живущіе въ родственной связи,
имѣютъ слишкомъ много случаевъ къ взаимнымъ
наблюденіямъ, и такимъ образомъ мало по малу
теряютъ сладостныя заблужденія, питающія
любовь? Дѣвушка приходитъ завтракать въ па-
пилюонкахъ, въ упренномъ платьѣ, измятомъ,
дурно застегнутомъ; бранитъ людей, сердится,
потому, что вѣдь нельзя же вѣчно притво-

ряпсья; и можно битьсья объ закладъ десять пропивъ одного, что наши будущіе супруги не посовѣспяются спорить, даже бранильсья; вообще ни сколько не стануть церемонильсья другъ съ другомъ, какъ люди, которые хорошо одинъ другаго знаютъ.»

— »Все это справедливо, но... но что жъ изъ этого?»

— »И пакъ мы согласились, что браки рѣдко бывають счастливы; что они рѣдко бывають счастливы именно опъ того, что супруги живутъ въ одномъ домѣ, что они безъ сопротивленія предаются своимъ наклонностямъ и знаютъ наизустъ обоюдныя недосапки. Следственно, если вы хопите, чтобы молодые люди любили другъ друга и желали вступишь въ бракъ, надобно ихъ поставишь въ положеніе, совершенно пропивное брачному состоянію. Посему, вмѣсто того, чтобы запирашь вашего племянника вмѣстѣ съ дочерью, вы бы должны были не пускашь его къ себѣ въ домъ.»

— »Такъ и есть! Я ужъ зналъ, что попадусь въ западню. Я чувствовалъ, что вы меня опупываеае своими Сократическими пенешами.»

— »Не говорите мнѣ о Сократѣ; я не хочу имѣшь съ нимъ никакого дѣла; впрочемъ, хопя Сократъ и не имѣлъ ни какого понятія о пародахъ, о Химіи, о чугунныхъ дорогахъ, но въ томъ, о чемъ говоримъ мы, онъ былъ человекъ свѣдущій и на него положишь-

ся можно. Онъ терпѣлъ горькій опытъ съ дражайшей своей супругой.»

— »Такъ вы не шупя совѣшуете мнѣ выгнавъ племянника изъ дому, для того, чѣобы женивъ его на моей дочери? Я ужъ однажды хотѣлъ было это сдѣлать, но Люція объявила мнѣ, что если я выгоню Чарльса въ одну дверь, она введетъ его въ другую.»

— »Такъ вы видите, любезный другъ, что совѣтъ мой хорошъ. Увѣрьте только Люцію, что Гигфильдъ зякъ не по васъ, и дѣло слажено.»

— »Богъ вамъ судья, Г. Файрвиперъ! Неужели вы никакъ не можете говорить не шупя? Мнѣ нужны ваши совѣты; я совѣшуюсь съ вами, какъ съ другомъ, а вы....»

— »Да я опъ всего сердца даю вамъ совѣты, а вы не хотите ихъ [слушать. Но я начинаю думать, что надобно поступить совершенно противно тому, какъ я говорилъ; то есть, надобно держать ихъ съ упра до вечера въ одной комнатѣ. Не правда ли, любезный другъ, что половина неудобствъ брачной жизни происходитъ именно опъ того, что супруги не могли, до свадьбы, узнать характера, привычекъ друга друга?»

— »Да, да, это весьма справедливо,» сказалъ Г. Ли сквозь зубы.

— »Хорошо! Не правда ли же, что для избѣжанія этого неудобства надобно, чѣобы молодые люди, которыхъ хотимъ женивъ, видѣлись другъ съ другомъ какъ можно больше?

Тутъ Г. Ли низко поклонился своему другу и сказалъ: — «Я когда-то читалъ въ Рабеле, что великій Панюржъ собирался жениться и безъ пользы совѣтовался съ многими философиями; наконецъ, ему вздумалось обратиться къ дураку, и потѣмъ разрѣшилъ всѣ его сомнѣнія. Я послѣдую его примѣру.»

Г. Ли взялъ шляпу и, не говоря ни слова, вышелъ изъ дому; Файрвинтеръ пошелъ за нимъ. Но они не разстались; они сдѣлились между собою противоположнымъ направленіемъ своихъ идей, точно такъ, какъ двѣ карды сдѣляются противоположнымъ направленіемъ своихъ зубовъ; и въ концѣ утра они были величайшими пріятелями.

§ V.

Синій цвѣтъ дѣлается темнѣе.

Г. Ли долго ломалъ голову, чтобы изобрести и обдумать планъ заключить союзъ между милыми ему людьми, наконецъ опчаялся успѣть въ этомъ и принялся за самое благоразумное: предоставилъ дѣло естественному теченію. Гораздо бы лучше было, если бы онъ на этомъ остановился; но мы всегда сами хотимъ приняться за работу, и этимъ все поршимъ.

Между тѣмъ Чарльсъ и Люція часто бывали вмѣстѣ. Ей нравилась веселость, опкровенность, благородный характеръ ея двоюроднаго брата; она видѣла, что онъ хорошъ, любезенъ,

остроумиѣ. Но понятія ея о совершенствѣ мужины образованы были синимъ клубомъ, который она уже нѣсколько лѣтъ посѣщала. Тамъ она научилась цѣнить слова болѣе, чѣмъ дѣла; дарованія болѣе, чѣмъ характеръ; энтузіазмъ болѣе, чѣмъ здравый смыслъ; наконецъ почитать явнымъ признакомъ генія неспособность ни къ чему полезному. Случалось, что ее иногда поражали вѣрность и непринужденная возвышенность мыслей Гигфильда; но эти мысли были всегда выражаемы такъ просто, такъ натурально, что всѣ сліи рѣшили единогласно, что Чарльсъ обреченъ посредственности, что онъ никогда ни въ какомъ отношеніи не обратитъ на себя вниманія свѣта; наконецъ, что онъ не въ состояніи не только спрдасть безъ причины, но даже не понимаетъ, какъ это возможно.

— »А я,« говорилъ однажды Гопшекъ: »я люблю высокое, мрачное, великое, таинственное, туманы. Я не могу терпѣть рѣчи, черты, которую постигаю съ перваго взгляда. Дайте мнѣ вознестись на вихрь, возвыситься до глубины Океана, погрузиться въ фантастическія тучи, бороться съ хаосомъ ума!« и онъ упалъ на софу, истощенный сильными ощущеніями.

— »А я,« вскричала Миссъ Эппльби, нюхая спиртъ: »я люблю летать на крыльяхъ луннаго свѣта, люблю искать сокровищъ вдохновенія, блестящихъ въ туманной дали, какъ снѣги Андъ неприсутныхъ. Люблю теряться въ непроницаемомъ блескѣ генія, который сообщаетъ въп-

рамъ ихъ дуновеніе, волнамъ ихъ вой, звѣздамъ мерцаніе, солнцу огни его!»

— «А я,» сказала Миспресъ Котесъ, «я, какъ всегда говаривалъ Сиръ Ричардъ Гаммонъ, люблю *дохновеніе* души, которое поднимаетъ ея *барометръ* до жара горячки.»

«*Вдохновеніе, термометръ*, милая пепушка!» сказала ей на ухо Люція. — «Да, да, разумѣется, я хотѣла сказать *вдохновеніе* и *термометръ*.» отвѣчала она: «но живость моихъ чувствованій увлекаетъ меня, кружитъ мнѣ голову. Люблю...»

Всякой такъ поропился сказать, что онъ любитъ, что слушать приходилось одному Гигфильду. Сама Люція внесла въ общую кассу нѣсколько словъ высокопарныхъ и безсмысленныхъ, наконецъ всѣ оспановились, и Миссъ Эпльби обращаясь къ Чарльсу, сказала:

— «Ахъ, Г. Гигфильдъ, я увѣрена, что вы любите историческіе Романы и романтическія Исторіи, украшеніе нынѣшней Литературы? Какъ пріятно учиться Исторіи въ Романахъ!»

— «Признаюсь вамъ, сударыня, что я плохой криптикъ,» отвѣчалъ Гигфильдъ: «я рѣдко читаю Обзорѣнія, когда могу читать что нибудь другое.»

— «Вы не читаете Обзорѣній?»

— «Вы не читаете Единбургскихъ Обзорѣній?» спросилъ Г. Ропъ, который всѣ свои мнѣнія подчерпалъ изъ этого Журнала.

— «Вы не читаете Четырехмѣсячнаго Обзорѣ-

ни?» сказалъ Пуддингамъ, который вѣрилъ Англійскому, а не Шотландскому оракулу.

— «Ни Вестминстерскаго Обозрѣнія?» спросила Миссъ Оверендъ, которая поклонялась этому идолу. — «Ни Литературной Газеты?» сказала крошечная Мисприсъ Коатсъ.

— «Такъ объявите же намъ, сударь, ваше собственное мнѣніе,» сказалъ Пуддингамъ съ видомъ, который показывалъ, что это мнѣніе для него весьма неважно.

— «Каково бы ни было мое мнѣніе, сударь, но оно къ вашимъ услугамъ. Признаюсь, я не думаю, чтобы можно было выучиться Исторіи, читая Романы, сочиненія, въ которыхъ вымыселъ не только позволителенъ, но и необходимъ, и въ которыхъ, слѣдственно, читатель несвѣдущій не можетъ отличить истиннаго отъ ложнаго. Кто знаетъ: можетъ быть, благодаря этой методѣ, дойдушь до того, что не спанушь отличать *Разказовъ моего хозяина* отъ *Плутарховыхъ Жизнеописаній!*»

— «О! Плутарховы жизнеописанія Романъ восхищительный!» сказала Мисприсъ Коатсъ.

— «Если вы говорите не шутя, сударыня, то вы уже дошли до того, чего я боялся. Эта книга есть одинъ изъ историческихъ памятниковъ самыхъ...»

— «Какъ!» вскричала Мисприсъ Коатсъ съ гнѣвомъ, «это обманъ неслыханный! въ этой книгѣ все такъ натурально, что я почитала ее

за историческій Романъ; теперь ужъ я не спану чипать ее!»

— «*A propos*,» сказала Миссъ Эппльби: «чипали ли вы Мурову жизнь Байрона? Я узнала изъ этой книги, что знаменитый Лондонскій книгопродавецъ Муррай платилъ по три тысячи семи сотъ гиней за самыя маленькiя Поэмы Байрона.»

— «Какое доказательство выпренности его генiя!» сказала Миссъ Оверендъ: «я слышала, что Мильтону съ трудомъ дали двѣнадцать фунтовъ стерлинговъ за его Потерянный Рай.»

— «Скажите лучше, какое благородное развитiе ума человѣческаго,» воскликнулъ Пуддинггамъ съ обыкновенною своею высокопарностию: «но я думаю, что Г. Гигфильдъ не вѣрится и быстроуму шеспию нашего вѣка.»

— «Я думаю,» сказалъ Чарльсъ: «что вѣкъ Мильтона былъ шакъ же уменъ и ученъ, какъ и нашъ, и что если бы Мильтонъ, Писатель незвѣстный, придерживающiйся гнусной политической партiи, жилъ въ наше время, то Муррай, или какой другой книгопродавецъ рѣшились бы дать двѣнадцать гиней за его Поэму, не иначе, какъ когда бы его подражали хвалить въ какомъ нибудь Обозрѣнiи.»

— «Байронъ былъ мизанпропъ божественный,» сказала, вздыхая, Миссъ Эппльби: «какъ бы я гордилась, если бы меня любилъ человѣкъ, который ненавидѣлъ, презиралъ весь родъ человѣческiй!»

— «Я не думаю, чтобы это презрѣніе (если только онъ дѣйствительно презиралъ людей) было однимъ изъ самыхъ сильныхъ правъ его на славу, и мнѣ кажется, что напрасно приписываютъ лучшія его мысли недоспазкамъ его характера, которые напротивъ помѣшали ему довести свои сочиненія до возможнаго совершенства.»

— «Такъ вы не думаете,» сказала Миссъ Оверендъ: «чтобы презрѣніе къ предразсудкамъ и обычаямъ общества было доказательствомъ возвышеннаго генія?»

— «Я дѣйствительно этого не думаю, и признаюсь откровенно, что у большей части нашихъ смѣлыхъ литературныхъ нововводителей, я вижу только безсиліе или неуваженіе къ читателямъ; мнѣ кажется, что они или не могутъ или не хотятъ писать хорошо, и въ семъ послѣднемъ случаѣ они конечно презираютъ болѣе публику, чѣмъ Авшоровъ, отъ которыхъ хотятъ удалиться.» Сказавъ это, Чарльсъ взялъ шляпу, и поспѣшно ретировался, чтобы избавиться отъ залпа, который пришлось бы ему выдержать за такую смѣлую выходку противъ любимой системы лазуреваго клуба. Эти дерзкія рѣчи возбудили ропотъ всѣхъ наличныхъ членовъ, въ томъ числѣ и Люціи; они разошлись въ величайшемъ волненіи, и Гопшекъ, пользуясь отсутствіемъ Гигфильда, проводилъ нашу героиню до дому.

Починая нужнымъ изгладить изъ ума Лю-

ціи впечатлѣніе, которое могли оставить въ немъ простые и здравыя идеи Чарльса, Поэтъ сказалъ ей, вздыхая глубоко, что отвратительная нечувствительность людей дѣлаетъ для него жизнь постылою, что сердце его терзается горестью, которая останется тайною до тѣхъ поръ, когда онъ найдетъ успокоеніе въ тишинѣ могилы. Прощаясь съ Люціей, онъ положилъ ей въ руку бумажку, и бросилъ томный взглядъ, который проникъ въ ея сердце. Она заперлась въ своей комнатѣ, и съ восхищеніемъ прочла стихи, въ которыхъ темно были выражены неясныя чувствованія, но въ которыхъ глубоко раскрыты ея слова: жизнь, обреченная мученіямъ, сладкая задумчивость, тоска непостижимая.

— «Какъ пріятно,» говорила сама себѣ Люція, «чувствовать себя несчастнымъ безо всякой причины, собирать медъ сладостнаго прискорбія съ предметовъ самыхъ веселыхъ, плакать при видѣ того, отъ чего люди обыкновенные смѣются!» И она вздыхала, мечтая объ гипересномъ молодомъ человѣкѣ, который спрашиваетъ скорбью неизвѣстною, и котораго сердце создано для самыхъ нѣжныхъ и оцущеній гениальныхъ. Она спрятала драгоценную бумагу на груди своей, и во весь этотъ день принужденность Готтшека заставляла въ умѣ ея здравый смыслъ, откровенность, истинныя достоинства Гиг-Фальда.

Люція имѣла довольно здраваго смысла, что-

бы обвинить, какъ слѣдуетъ, и самого Гопшека и его поэтическія спраданія; но ее можно извинить тѣмъ, что она была воспитана въ обществѣ, въ которомъ Гопшекъ возбуждалъ энтузіазмъ заразителный. Извѣстно, какъ сильно первое впечатлѣніе, произведенное на умъ, только еще развивающійся. Посмотримъ, не возвращаютъ ли нашей героини здравый смыслъ и опытъ къ настоящему ея характеру, который испортили дурные примѣры.

§ VI.

*Исторія наша подвигается впередъ
медленно.*

Отецъ Людіи, хотя и не былъ настоящимъ мудрецомъ, но хорошо пользовался уроками опытности и зналъ, что долженъ скрывать отъ дочери и племянника намѣреніе соединить ихъ, если хочетъ, чтобы это намѣреніе удалось. Извѣстно, что мы не охотно дѣйствуемъ по плану, составленному другими, хотя бы этотъ планъ долженъ былъ довести насъ до исполненія нашихъ желаній. Такимъ образомъ, многія матери удаляютъ отъ дочерей своихъ хорошихъ жениховъ именно тѣмъ, что слишкомъ ободраютъ ихъ и тѣмъ заставляютъ ихъ опасаться впасть въ материнскія сѣти. Вообще человѣкъ иногда дѣлаетъ не все, что должно, но чаще больше. Скажите ребенку, чтобы онъ не сморгнулъ въ колодезь, потому

что это опасно, и ему непременно захочется заглянуть туда. Такъ и большія дѣти могутъ быть научаемы только тѣмъ, что сами чувствуютъ, сами видятъ. Опъ этого именно не удается столько превосходныхъ средствъ усовершенствовать родъ человѣческій, принимаемыхъ въ наше время людьми благонамѣренными.

Посему Чарльсъ и Люція не знали (или по крайней мѣрѣ такъ казалось) намѣренія Г. Лп. Первый спарался показати учтивымъ и оспорожнымъ образомъ желаніе свое занявшись какою нибудь должностію, которая могла бы доставить ему независимое состояніе. Но дядя всегда говорилъ ему: »поронишься не для чего, Чарльсъ. Осмотрись сначала хорошенько и подумай, что для себя приличнѣе. »Эти уклончивые совѣты огорчали Гигфильда, котораго положеніе было довольно пеловко для человѣка съ возвышенными чувствами. Онъ не смѣлъ часто говорить дядѣ о предметѣ, который, по видимому, ему не нравился, но онъ спрадалъ вну-
ренно.

Еще и другая причина возбуждала въ Гигфильдѣ желаніе употребить время свое съ пользою для себя и другихъ. Рѣдко бываетъ, чтобы два человѣка, особенно два человѣка разныхъ половъ, живя въ одномъ домѣ, не почувствовали другъ къ другу или привязанности, или отвращенія, и первая скоро превращается въ любовь, если эти люди молоды и любезны. Люція, не

смотря на свою принужденность и изысканность, обладала прелестями, которыя производили дѣйствіе тѣмъ болѣе неотразимое, что оно развивается по-немногу, прелести, которыя произвели бы въ сердцѣ моемъ самыя сладостныя ощущенія, не болѣе какъ за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ. Ростъ средній и пропорціональный, фязіономія кроткая и живая, не всегда веселая, не всегда печальная, умъ не одвѣтается, движенія спокойныя и красивыя, голосъ пріятный, природный умъ, украшенный воспитаніемъ, душа не порочная и чувствительная — все это вмѣстѣ придавало Люціи прелестъ очаровательныхъ блестящей красоты, сполнъ очаровательную, что Гигфильдъ не могъ оной противиться.

Какъ скоро Чарльсъ признался самъ себѣ, что любитъ свою двоюродную сестрицу, онъ сильнѣе чѣмъ когда либо сталъ желать избавить какое нибудь состояніе, въ которомъ могъ бы отличиться, или которое, по крайней мѣрѣ, могло бы доставить ему независимое состояніе. Онъ имѣлъ чрезвычайно утонченныя понятія о чести. Онъ былъ бѣденъ, Люція богатая наследница; онъ бы постыдился искать любви ея, если бы и надѣлся успѣшь въ томъ; и какъ онъ очень хорошо видѣлъ, что воображеніе ея было обольщено ложнымъ блескомъ Гопшека, то это совершенно приводило его въ уныніе, и по этому ему казалась еще болѣе низкою мысль привлечь къ себѣ любовь, за которую онъ охотно

заплатилъ бы жизнию, но которой искать въ его положеніи не считалъ приличнымъ. Съ этого времени онъ началъ выходить чаще прежняго, а оставаясь дома, былъ разсѣянъ, невнимателенъ, хотя, по опокровенному и веселому своему нраву, не могъ быть угрюмымъ. Люція, думая только о тайнспвенной скорби Поэта, не замѣтила этой перемѣны; но отецъ ея бѣсплся, видя, что планъ его не удастся.

— «Что у васъ съ Люціей?» спросилъ онъ однажды своего племянника.

— «Ничего, дядюшка; мы очень дружны.»

— «Дружны!... гм!... Но вы, кажется, нынче не такъ любите другъ друга, какъ прежде... гм!...»

— «Не такъ *любимъ* другъ друга! Ахъ, дядюшка! увѣряю васъ, что я питаю къ Люціи цѣлѣйшую дружбу.»

— «Гм., дружбу!.. дружбу!... Да развѣ ты не видишь, что она черповски хороша!»

— «Вижу, дядюшка, и я не знаю дѣвушки умнѣе, разсудительнѣе, воспитаннѣе, однимъ словомъ, совершеннѣе ея.»

— «Забавно! ты хвалишь ее такъ же хладнокровно, какъ будто продажную лошадь!» сказалъ Г. Ли съ сердцемъ.

— «Извините меня, дядюшка; но я не могу говорить о Люціи съ восхищеніемъ, которое позволялъ бы себѣ въ другихъ обстоятельствахъ.»

— «Что ты толкуешь! Какія обстоятельства могутъ мѣшать тебѣ смотрѣть на нее

такими же глазами, какъ другіе молодые люди, чувствовать и говорить такъ же, какъ они.»

— «Извините меня, но я думаю теперь со-
всѣмъ о другомъ.»

— «Это чрезвычайно лестно, сударь, для
моей дочери. Какимъ же важнымъ дѣломъ изво-
лите вы заниматься?»

— «Не сердитесь на меня, дядюшка! Если бы
вы все знали, вы, можетъ быть, пожалѣли бы
обо мнѣ. Я принужденъ расписаться съ вами,
мнѣ надобно избрать какое нибудь состояніе.
Я долженъ, я хочу это сдѣлать. Я гублю въ
праздности лучшее время моей жизни.»

— «Да если бѣ это была и правда, какая те-
бѣ надобность, если я такъ хочу?»

— «Вы замѣтили мнѣ отца; я обязанъ вамъ
признательностію и покорностію; но есть обя-
занности къ самимъ себѣ, которыя мы также
должны исполнять. Что я теперь такое? Че-
ловѣкъ, зависящій отъ вашихъ милостей,
нищій.»

— «Нищій! вздоръ, сударь, ты не нищій! Но
я вижу, въ чемъ дѣло: тебѣ хотѣлось бы по-
жить на волѣ. Ты хочешь, чтобы я далъ сред-
ства зажить домкомъ. Ты не можешь дождаться,
чтобы старикъ закрылъ глаза. Ты..»

— «Позвольте, дядюшка,» вскричалъ Гиг-
фильдъ, покраснѣвъ: «неужели вы въ самомъ дѣлѣ
почитаєте меня такимъ подлымъ негодяемъ?»

— «Нѣтъ, я считаю тебя только сумасшед-
шимъ. Но я никогда не прощу тебѣ этого. Ты

разстроилъ всѣ мои планы. Да, я вижу, что мнѣ придется умереть съ растерзаннымъ сердцемъ, не видя исполненія самыхъ моихъ надеждъ моихъ.»

— «Ради Бога, дядюшка, скажи мнѣ по крайней мѣрѣ, что я сдѣлалъ, чѣмъ я виноватъ передъ вами?»

— «Тѣмъ, сударь, что ты негодный въпрямую, глухой, слѣпой, нѣмой. Если бъ не то, ты бы давно все понялъ.»

— «Да что жъ я долженъ былъ понять?»

— «Что?» — вскричалъ Г. Ли въ бѣшенствѣ: «ты бы долженъ былъ понять, что я хотѣлъ выдать за тебя дочь мою, отказавъ тебѣ все мое имѣнiе, несносный человѣкъ; что въ этомъ я полагалъ все мое благополучiе. Но я отплачу тебѣ. Я отрѣшу тебя отъ наследства; откажусь отъ тебѣ; прогоню тебя къ черту; ты стоишь этого своею низкою неблагодарностию. Ты можешь быть увѣренъ въ этомъ!»

Это открытiе такъ удивило Гигфильда, что онъ сначала не могъ сказать ни слова отъ удивленiя. Онъ трепеталъ отъ радости при видѣ будущности, которая ему представлялась. Наконецъ онъ вскричалъ: «Дядюшка, благодарю тебя! я никогда не могъ думать, чтобы ты имѣлъ подобное намѣренiе!»

— «Э, сударь! да съ тѣхъ поръ, какъ родилась Люція, я только объ этомъ и думалъ! Если ты не видалъ этого, то ты или слѣпъ или глупъ.»

— »Но вы мнѣ никогда объ этомъ не говорили; какъ же мнѣ было знать?«

— »Правду сказать, ты не совсѣмъ неизвѣнителенъ, потому, что я дѣйствительно некогда не говорилъ тебѣ о моихъ намѣреніяхъ. Но все равно, теперь все кончено. Люція дѣвушка *умная, разсудительная, воспитанная,*« продолжалъ онъ, передражнивая Чарльса.

— »Нѣтъ, нѣтъ,« вскричалъ Гигфильдъ. »Теперь я могу сказать, что думаю. Люція все, чего можешь только желать отецъ самый нѣжный, все, что молодой человѣкъ можетъ представить себѣ въ самыхъ блестящихъ мечтахъ своихъ; она прелестнѣйшая, восхищительнѣйшая дѣвушка изъ всѣхъ, которыхъ я знаю.«

— Славно! Лихо! Чудно! Тра ла да... ла... ла ла... ла ла...!« и добрый старикъ сдѣлалъ скачекъ, какого бы нельзя было и ожидать отъ подагрика; потомъ схватилъ племянника за руку и вскричалъ: »Конечно! черезъ недѣлю свадьба.«

— »Нѣтъ, дядюшка,« сказалъ Чарльсъ совздохомъ: »до этого еще далеко. «Вы знаете, что надобно согласіе еще одного человѣка.«

— »Чье жъ еще согласіе?«

— »Вашей дочери.«

— »Правда. Я совсѣмъ было и забылъ объ этомъ. Но я это скоро улажу. И, во-первыхъ, скажу ей, что это мое главное, мое единственное желаніе. Если она откажетъ, я стану убѣждать ее; если она не убѣдится, я буду говорить какъ отецъ; я покажу ей, кто изъ насъ гос-

подпнѣ въ домѣ. Останься здѣсь; я сейчасъ пойду и все кончу.»

— «Дядюшка! постойте, ради Бога!» сказалъ Чарльсъ, удерживая его. «Подождите немножко; если вы станете дѣйствовать такъ поспѣшно, вы разрушите всѣ мои надежды. Ахъ, дядюшка! я боюсь, что эти надежды, по крайней мѣрѣ теперь, не могутъ исполниться.»

— «Это что еще значить?»

— «Мнѣ кажется, что другой уже овладѣлъ сердцемъ Люціи.»

— «Кто, сударь, кто другой? Говори скорѣе. Я выучу ее любить безъ моего позволенія! Я покажу ей, кто я, кто она! Я захопну этому молодцу дверь на носъ, я запру дочь въ одной комнатѣ... Да что жъ ты не говоришь, что жъ ты спозишь, какъ пень? Что жъ ты не скажешь мнѣ, какой негодяй смѣетъ нравиться моей дочери?»

— «Я не говорю ничего утвердительно, дядюшка, и не имѣю права открывать тайны сестрицы; но, мнѣ кажется, ей нравится Г. Гомшекъ.»

Никогда, во всю жизнь Г. Ли не бѣсился такъ, какъ въ эту минуту. Даже камердинеръ его, Юба, который повелѣвалъ своимъ господиномъ по крайней мѣрѣ столько же, какъ и господинъ имъ, никогда не сердилъ его такъ въ тѣ минуты, когда они оспаривали другъ у друга верховную власть. Юба былъ изъ рода Царей Мономахскихъ; онъ видѣлъ въ домѣ Г. Ли три поколѣнія,

и попому почиталъ себя въ правѣ быть спо-
же упрямымъ, какъ и господинъ его, который,
сказать правду, почти всегда покорялся цар-
ственному изгнаннику. Однажды Г. Ли поспорилъ
у себя за столомъ съ однимъ сосѣдомъ, и они ска-
зали другъ другу нѣсколько обидныхъ словъ.
Какъ скоро гости разъѣхались, Юба сказалъ Г-ну
Ли: — «Мосса! намъ нельзя этого снести. Его
надобно вызвать на дуэль.»

Г. Ли покорился этому рѣшенію, и вызвалъ
сосѣда на дуэль; но потѣ, къ счастью, изви-
нился.

— «Видите, Мосса, мы хорошо сдѣлали. По-
бѣда на нашей сторонѣ.»

Но возвратимся къ нашей исторіи. Г. Ли
былъ въ бѣшенствѣ. Изъ всѣхъ существующихъ
въ мірѣ людей, онъ всѣхъ искреннѣе ненавидѣлъ
Гопшека. Онъ почиталъ его хвастуномъ, без-
умнымъ, надменнымъ, неспособнымъ ни къ че-
му доброму и полезному.

— «Пустыя и громкія его рѣчи,» говорилъ онъ,
«похожи на барабанъ, на которомъ бьютъ чаль-
шную превогу. Гопшекъ! Г. Гопшекъ!» кри-
чалъ онъ: «да я откажусь отъ дочери, если она
осмѣлится любить этого человѣка! Глухой спи-
хоплетъ, тѣнь тѣни, слабый подражатель по-
дражателя, который самъ на пятнадцать или
шестнадцать градусовъ онъ оригинальности!
Пусть уже она лучше влюбится въ какого ни-
будь пиясуна на канашъ!»

— «Дядюшка, да я не говорю, что Люція

влюблена въ Гопшека, но мнѣ кажется, что онъ ей нѣсколько нравится; я увѣренъ, что воображеніе ея поражено его геніемъ, его краснорѣчіемъ, его прекрасными стихами!»

— «Его прекрасными стихами! какіе на всѣхъ конфетныхъ билетцахъ! Она должна отказаться отъ него сейчасъ же, или я опрѣшу ее отъ наслѣдства.»

Гигфильдъ проситъ дядю не прибѣгать такъ скоро къ подобнымъ мѣрамъ. Онъ спарался доказать ему, что прямымъ сопротивленіемъ можно развить спрасть, которая, можетъ быть, еще только начинается, и усилить ее препятствіями. Онъ напомнилъ ему, что запрещенное часто дѣлается, и что любовь не уступаетъ принужденію. Онъ умолялъ его молчать до времени о предметѣ столь важномъ для нихъ обоихъ, и смотрѣть на все, ни во что не вмѣшиваясь.

— «Если я не обманулся въ характеръ моей милой сестрицы» сказалъ онъ: «по время и здравый ея умъ, безъ посторонняго пособія, возвращаютъ воображеніе ея на путь истинный. Но если я обманулся въ надеждѣ, на которую имѣю нѣкоторое право,» прибавилъ онъ съ благородною гордостію, «если она дѣйствительно любитъ Гопшека, то, клянусь вамъ честію, никогда не соглашусь, чтобы вы для меня прописались ея желаніямъ. Если она не отдастъ мнѣ руки своей добровольно, то я самъ откажусь

отъ того, что составило бы счастье всей моей жизни.

— »Ты говоришь, какъ Профессоръ и какъ сумасшедшій,« сказалъ Г. Ли, полу-сердитый и полу-довольный. »Но послушай, Гигфильдъ: если я послѣдую твоему совѣту, и дѣло пойдетъ дурно, я отрѣшу васъ обоихъ отъ наслѣдства.«

— »Согласенъ; отрѣшите меня, если угодно; но только не говорите ничего, не дѣлайте ничего; пусть все идетъ само собою.«

— »То есть, будьте нулемъ. Покорно благодарю, сударь!« сказалъ Г. Ли, низко кланяясь. »Я долженъ быть лицомъ неговорящимъ въ дѣлѣ о замужствѣ моей единственной дочери, въ дѣлѣ, конечно, весьма пустомъ.«

— »Только на время, дядюшка, только на время; потомъ вы можете снова взяться за вашъ скипепръ.«

— »Чтобы ударить тебя по головѣ, сударь, если мудрыя твои мѣры не удадутся.«

— »Согласенъ, дядюшка; мнѣ не жаль головы моей, потому что сердце будетъ и безъ того расперзано: я такъ люблю Люцію...«

— »Такъ любишь, что уступаешь ее безмозглому, бездушному негодю, глупцу, какого свѣтъ не производилъ! Такъ и быть: я уступаю возжи моему мудрому Фаэзону; пусть онъ западаетъ, по крайней мѣрѣ, нашу сѣверную рѣку, если не сожжетъ всей вселенной. Вотъ Файрвитеръ: я посоветуюсь съ нимъ; но ужъ заранее знаю, что старый упрямецъ будетъ противнаго со

мною живія. Поди же ты къ Люціи; спѣрайся ей поправиться, и, если нужно, подражай Готшеку, говори языкомъ этого глупца.»

(Продолженіе впродъ.)

II.

НОВАЯ ИСТОРИЯ.

ФЕОДАЛЬНАЯ СИСТЕМА (*).

35. Сіе новое государственное учрежденіе, пропстекшее изъ обычаевъ и уставовъ Германской старины, не во всѣхъ Государствахъ, Германцами основанныхъ, развилось одинаково. Вандальское, Остъ и Вестъ-Готское, Бургундское и другія малыя Государства погибли прежде, чѣмъ Феодальная система могла достигнуть въ нихъ своего полного образованія; Англосаксы внесли ее въ Британію, но тамъ бой пришельцевъ съ туземцами былъ и продолжительнѣе и упорнѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ; до половины XI вѣка Феодальная система, по видимому, оставалась здѣсь на первой степени своего устройства: полпы (**) завое-

(*) Випорой отрывокъ изъ печатаемаго сочиненія Профессора Шулльгина: *Изображеніе характера и содержанія Новой Исторіи.*

(**) Эфааген, оныя жого нынѣшнее названіе областей Англіи Шейрахи.

вапелей должны были по необходимости удержать свое древнее образованіе Геллейтовъ, и владѣть пріобрѣтенными участками обща. Уже въ XI вѣкѣ, по завоеваніи Англіи Вильгельмомъ Нормандскимъ, укоренена была здѣсь Феодальная система и обхватила цѣлое Государство вдругъ: пбо введена была побѣдителемъ на основаніи предварительно начерпаннаго плана, а не сама пзъ себя развивалась, какъ въ другихъ спранахъ. У Лонгобардовъ и Франковъ достигла она наибольшаго своего развитія; но Лонгобарды вошли въ Италію цѣлымъ народомъ, а не Геллейномъ, и поному у нихъ, какъ въ сгаринныхъ Верманнеяхъ, всякій свободный чловѣкъ былъ воинъ, и всякій по завоеваніи получалъ свой участокъ въ полную собспвенность (Алодь). Франки, напропивъ, составляли Геллейтъ, и у Франковъ должна бытъ преимуще-спвенно сія епстема изучаема и поному, что нигдѣ не развилась она въ таковой постепенности и полнотѣ, какъ у нихъ, и поному, что Франкамъ изъ всѣхъ Германскихъ племенъ суждено было имѣть важнѣйшее и долговременное вліяніе на судьбу окрестнаго міра. Скоро, уничтоживъ владѣнія другихъ своихъ соотечесп-венниковъ въ Галліи, и подчинивъ ихъ своей власти, они простерли свое владычество почти на всѣ племена Германцевъ, остававшихся на родинѣ: на Аллемановъ, Тюринговъ, Баваровъ, Саксовъ, и ввели Феодальную систему и въ самую Германію. Познаніе учреждений, введенныхъ

Франками въ земляхъ, ими покоренныхъ, дастъ понятіе и объ учрежденіяхъ другихъ Германцевъ въ завоеванныхъ ими странахъ: ибо основныя отношенія побѣдителей къ побѣжденнымъ вездѣ были сходны.

36. Франки еще съ половины IV вѣка утвердились въ С. части Галліи, по нижнимъ частямъ Рейна и Мааса до Шельды, и смиренные побѣдами Юліана, они признали власть Римлянъ надъ собою. Послѣ скорой кончины Юліана (г. 363) прежніе безпорядки начались въ Имперіи, и Франки, освободясь отъ своей кратковременной зависимости, спали глубже и глубже проникали въ Галлію, пока наконецъ Клодвигъ, Король Верманней Салическихъ Франковъ, и предводитель многочисленнаго Гелейпа, сокрушилъ, при Суассонѣ (г. 486), послѣдній оплотокъ Римскаго владычества. Побѣда при Суассонѣ открыла Клодвигу всю ту часть Галліи, которая не покорена была Бургундцами и Вестъ-Готами, т. е. все пространство до Луары и до верховья Соны. Такимъ образомъ Гелейпъ Клодвига получилъ, кромѣ богатой добычи, состоявшей въ вещахъ движимыхъ, раздѣленныхъ между побѣдителями, какъ водилось, по жеребью, землю обширную (болѣе 4000 кв. г. м.), и по опустошеніи, ее постигшемъ, все еще имѣвшую миллионы жителей, имѣвшую многіе значительные города, памятники Римскаго владычества, и земля сія составляла опселя также добычу Гелейпа. Но надобно было, во-первыхъ,

сохранишь эту добычу отъ возстанія природныхъ жителей, хопя и оглушенныхъ побѣдою, но все еще опасныхъ по превосходству своего числа и своего образованія; надобно было, вопорыхъ, сохранить ее и отъ другихъ Германцевъ, еще прежде Франковъ утвердившихся въ странѣ къ Ю. отъ Луары до Пиренеевъ (Вестъ-Готы) и по системѣ Роны (Бургунцы). Слѣдственно Гелейшъ Клодвига, и безъ смѣлыхъ надеждъ, которыя побѣда возродила въ душахъ и вожди и воиновъ, не могъ, по положенію своему, оспановишься на томъ, что уже было совершено, а долженъ былъ итти далѣе; долженъ былъ оставаться по прежнему соединеннымъ и вооруженнымъ, чтобы новыми побѣдами укрѣпить за собою свое пріобрѣтеніе; и онъ укрѣпилъ за собою свое пріобрѣтеніе новыми побѣдами, какъ видѣли мы выше (12, 13). Вмѣстѣ съ сими побѣдами вводились и учрежденія для сохраненія завоеванія. Гелейшъ не могъ взять въ свое непосредственное завѣдываніе всю покоренную страну, и нѣтъ сомнѣнія, что Клодвигъ (съ согласія дружины) оставилъ знаиыйшую часть земли прежнимъ владѣльцамъ, Галламъ и Римлянамъ, обложивъ ихъ за то податью и поставивъ ихъ, слѣдственно, въ то положеніе, въ какомъ находились Гинперзасы, или Липы, въ Германіи; впрочемъ, сіи Римляне удержали свои прежніе уставы и законы, не сполько по великодушію побѣдителя, сколько по неимѣнію у него средствъ перемѣнить эти

уставы и по невозможности примѣнить свои старинные уставы къ быту сей, самой большой части народонаселенія покоренной страны, быту, столь во всѣхъ отношеніяхъ отличному отъ Германскаго. Особенное затрудненіе для Германцевъ, незнавшихъ городовъ, ни жизни въ нихъ, ни потребностей ихъ, представляли города, находившіеся и во всей Галліи, но преимущественно и по числу своему и по важности въ Галліи Южной. Не было и для опредѣленія отношеній побѣдителей къ сему, самому важному классу побѣжденныхъ, другого лучшаго основанія, какъ тоже: поставивъ жителей въ сословіе Липовъ, и опредѣливъ для безопасности и надзора за ними особеннаго Градоначальника (Бург-Графъ) съ частію дружины, оставивъ имъ ихъ прежнее устройство. Но на всѣхъ сихъ подданныхъ нельзя было надѣяться; они могли вспомнить, что у нихъ есть руки, и могли всеобщимъ возстаніемъ подавить немногочисленныхъ побѣдителей; слѣдственно и относително къ симъ покореннымъ нужны были мѣры осторожности. Въ предѣлахъ Галліи жили и владѣли землями, еще съ утвержденія Римлянъ, многіе единоплеменники Клодвига и его дружины: во-первыхъ, Франки Салическіе, Королемъ которыхъ былъ самъ же Клодвигъ, но Королемъ съ такою лишь властію, какая принадлежала вообще начальникамъ Верманней (29); потомъ на СВ. жили Франки Рипуарскіе, страна которыхъ простиралась и

за Рейнь, въ собственную Германію; далѣе (въ Алзасъ) жили Аллеманы, коихъ земля также за Рейнь простиралась; далѣе на ЮВ. Бургунды и на ЮЗ. останки Вестъ-Готовъ, которыхъ главная сила уже опшѣнена и переброшена была за Пиренейскія горы. Не столько по чувству единоплеменства, сколько по расчету: имѣть въ сихъ единоплеменникахъ себѣ на будущее время вѣрныхъ союзниковъ и помощниковъ для Гелейша, утвердилъ Клодвигъ (опять съ согласія Гелейша) за Аделингами оставшихся теперь подъ властію его въ предѣлахъ Галліи и около оной своихъ единоплеменниковъ, земли, бывшія во владѣніи ихъ еще въ Римское время, съ правомъ полной собственности. Таковыя земли назывались *Алодами* (опщинами), вѣроятно потому, что онѣ даваемы были также по жеребью, или, можетъ быть, потому, что онѣ составляли полную наследственную собственность своихъ владѣльцевъ (*). *Алодами* также назывались и участки, выдѣленные Королемъ изъ земель, уже непосредственно назначенныхъ въ собственность Гелейша, тѣмъ изъ Германцевъ, которые поселились на такихъ участкахъ съ обязанностію поддерживать Гелейша во всѣхъ дальнѣйшихъ его предпріятіяхъ, и въ случаѣ нужды, ополчаться самимъ по призыву Короля, какъ начальника Гелейша. Владѣльцы сего рода

(*) *Loos*, въ Нижней Германіи *Loos*, жребій, или III — полное имѣніе.

Алодовъ назывались *Баронами*: слово, безъ сомнѣнія происшедшее отъ *Wehr*, названіе, которое имѣли Германцы на родинѣ по качеству защитниковъ своей отчизны. Алодіальные владѣльцы хотя и владѣли землями, утвержденными имъ отъ Гелейта, съ полнымъ правомъ собственности, подобно Аделингамъ и Фрилингамъ въ Германіи, но они не совершенно по же значили, чѣмъ были сіи классы людей на родинѣ, именно потому, что они земли свои получали отъ Гелейта; и слѣдственно Гелейтъ, какъ настоящій владѣлецъ всего имъ покореннаго, стоялъ выше ихъ всѣхъ, уступая имъ только лишь часть своего достоянія, и сохраняя право ожидать и требовать и отъ нихъ услугъ себѣ.

37. И такъ Гелейтъ опирался съ одной стороны на сомнительное подданство такъ называемыхъ Римлянъ, съ другой на зависливое, безъ сомнѣнія, союзническое Алодіальныхъ владѣльцевъ и Бароновъ, и слѣдственно все еще находился въ такомъ положеніи, что оружія изъ рукъ выпускать не надлежало. Между тѣмъ первоначальный Гелейтъ Франковъ значно увеличился включеніемъ въ составъ его дружинъ Аллеманскихъ, Бургонскихъ, Вестготскихъ, Тирингскихъ, и тѣмъ ощутительнѣе оказывалась надобность, чтобы независимо отъ тѣхъ доходовъ, которые получаемы были съ поступившихъ въ окладъ состояній, многочисленный Гелейтъ имѣлъ прочное обезпеченіе для своего постояннаго существованія. Таковое обезпече-

ніе могла представлять, и по понятіямъ Германцевъ и по состоянію промышленности народной, опять только земля; посему за раздачею участковъ Алодіальнымъ владѣльцамъ и за утвержденіемъ Римлянамъ земель, на которыхъ они остались въ качествѣ Липовъ, назначены были обширныя помѣстья въ непосредственную общую собственность всего Гелейша. Сіи помѣстья составляли прежде, можетъ быть, именно пошъ участокъ, который принадлежалъ Римской казнѣ, а попому для него удержано и Франками прежнее Римское названіе *Фиска* (fiscus). Земли сіи обрабатывались рабами, принадлежавшими Фиску (servi fiscales), а смотрѣніе и управленіе, какъ сихъ земель, такъ и доходовъ, получаемыхъ отъ данниковъ, ввѣряемо было отъ Гелейша особенному, избранному лицу, называвшемуся *Палатнымъ Меромъ* (Спаршиною Дома, Major Domus). Достоинство его, какъ правителя той части завоеванной страны, на которой преимущественно основывалось прочное существованіе Гелейша, было самое важное, первое послѣ достоинства начальника Гелейша, Короля; отъ него и давали ему разные почетныя титулы: Помощникъ Короля (subregulus), защитникъ и хранитель Государства, Консуль Франціи и другіе. Достоинство Палатнаго Мера было въ началѣ безъ сомнѣнія избираемое, и по видимому, на одинъ годъ; иначе и быть не могло. Если члены Гелейша заботливо дѣлили между собою всякія малозначащія вещи, воен-

ную добычу соспавлявшія, и не допускали, чтобы кто нибудь, даже и самый глава Гелейта, Король, получилъ что нибудь сверхъ слѣдовавшаго ему изъ общей добычи, по легко понять, что они не иначе, какъ съ общаго согласія, и не иначе, какъ на время, вѣряли одному лицу завѣдываніе того, что соспавляло для всѣхъ ихъ, такъ сказать, основаніе ихъ существованія. Само собою разумѣется, что Палашиный Меръ обязанъ былъ давать Гелейту отчетъ въ своемъ управленіи; и таковой отчетъ отдаваемъ былъ на собраніяхъ Гелейта. Сіи собранія Гелейта, подъ предсѣдательствомъ Короля, соспавляли и верховный правительственный Совѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ лагерь. На нихъ рѣшались дѣла касательно управленія Фиска и всей вообще покоренной страны: ибо хотя Франки, соспавлявшіе Гелейтъ Клодвига и его преемниковъ, и обязывались клятвенно вождю своему въ ненарушимои вѣрности и постоянномъ служеніи въ дѣлахъ войны; но нѣтъ сомнѣнія, что и вождь Гелейта имѣлъ обязанность спрашивать у своей дружины совѣта касательно всякой войны и вообще всякой службы, и располагать свои рѣшенія согласно съ мнѣніемъ большинства членовъ своего Гелейта. Клодвигъ и его преемники дѣлали предложенія собранному Гелейту; отъ него зависѣло рѣшеніе, и нѣтъ недосадка въ примѣрахъ, что Короли принуждаемы были дружиною къ предпріятіямъ, для нихъ непріятнымъ. Назначеніе таковыхъ собраній Королемъ зависѣ-

до отъ обстоятельствъ и надобности въ нихъ, и когда въ послѣдствіи настали времена болѣе мирныя, тогда производились собранія поспоянно въ Мартъ или Маѣ мѣсяцахъ, и попому назывались Маршовскими (Марсовыми) или Майскими полями; у Англосаксовъ назывались они Вишпенегемотами, у Лонгобардовъ собраніями Павійскими (отъ города Павіи), и каждое собраніе было, какъ и прежде, лагерь, общій военный смотръ цѣлой дружины.

38. Между тѣмъ время текло; два, три поколѣнія людей со времени завоеванія миновались; завоеватели обживались между завоеванными; Гелейцы не имѣли болѣе въ виду новыхъ походовъ въ предѣлахъ Галліи, а развѣ только внѣшнія военныя предпріятія. Но жизнь боевая должна была наскучить; въ душахъ должно было возродиться желаніе къ спокойному пользованію пріобрѣтеннымъ, къ прочному обезпеченію судьбы своей и своего потомства на будущее время. Гелейцы при всѣхъ преимуществахъ, которыми онъ, какъ владѣлецъ всего, пользовался, не могъ не чувствовать шаткости своего положенія; тотъ или другой изъ воиновъ не могъ не позавидовать иногда спокойному довольству Алодіальнаго владѣльца. Конечно каждый воинъ могъ по волѣ выступить изъ Гелейна, получить отъ Фиска Алодъ, сдѣлаться Барономъ; но тогда онъ лишился бы той первоепенности въ обществѣ, какая принадлежала членамъ Гелейна передъ всѣми другими класса-

ми жителей. Естественно посему должно было возникнуть между членами Гелейта желание пользоваться выгодами поземельной собственности, не теряя своих преимуществъ. Средствомъ къ сему было: раздѣлить землю, соспавлявшую общую собственность Гелейта, между членами онаго на такомъ основаніи, чтобы всякій, получившій таковой участокъ, выполнялъ, по прежнему, всѣ обязанности члена Гелейта, и именно, чтобы находился во всегдашней готовности идти на войну по Королевскому призыву. Въ случаѣ неисполненія такихъ обязанностей, помѣстье отбиралось въ казну (конфисковалось) и потомъ отдавалось на такихъ же точныхъ условіяхъ другому; то же самое дѣлалось и въ случаѣ смерти того, кому оно давалось; наследники умершаго члена Гелейта не имѣли на данное предку ихъ отъ Фиска помѣстье ни какого преимущественнаго права: оно могло быть опять отдано или одному изъ наследниковъ умершаго, коль скоро онъ въ состояніи выполнитъ тѣ же обязанности, которыя лежали на помѣстьѣ, или всякому другому постороннему члену Гелейта, и всегда на одинаковомъ основаніи. Таковыя участки именовались въ началѣ *Фискальными имѣніями*, потомъ *Ленами* или *Феодами* (помѣстьями) (*), и получившіе ихъ *Вассалами* или употребительнѣе, *Вас-*

(*) *Feſſen*, ссуда, *Fe-od* — помѣстье вѣрности, (за вѣрность), *Fee*, вѣрность.

саллами, т. е. крѣпкими, вѣрными (*). Само собою разумѣется, что при семъ и Король, какъ начальникъ Гелейша, получилъ значную часть фискальныхъ земель въ свое непосредственное владѣніе, которому дано названіе *Regalium*, *Dominium*, *Domaine*. Сіе-то учрежденіе и получило въ послѣдствіи имя *Ленной*, или *Феодальной системы*. При сей перемѣнѣ способа пользованія Фискомъ, необходима была и перемѣна въ управленіи онаго; въ слѣдствіе того власть Паламнаго Мера должна была возрасти, и возрасла чрезвычайно; кругъ дѣятельности его сталъ многосложнѣе; ему надлежало имѣть полное свѣдѣніе о розданныхъ Ленахъ и о обязанностяхъ, которыя на каждомъ Вассалѣ лежали; онъ долженъ былъ наблюдать и за исполненіемъ сихъ обязанностей; въ его рукахъ была конфискація выморочныхъ Леновъ, равно какъ и передача въ другія руки Лена, отобраннаго у Вассала, который не выполняетъ своихъ обязанностей; однимъ словомъ, его расположенія должны были искаать всѣ Вассалы и самъ Король. Достоинство его могло оставаться, по прежнему, избираемымъ, но безъ сомнѣнія, уже не на столь короткіе сроки; на цѣлую жизнь стали избирать Паламнаго Мера, и чѣмъ долѣе сіе достоинство находилось въ однихъ рукахъ, тѣмъ важнѣе оно должно было дѣлаться; превратилось въ послѣдствіи въ наследственное, и уни-

(*) Ваф, въ Сѣв. Германіи вмѣсто *vest*, *fest*, крѣпкій.

чтожилось только тогда, когда Палашиные Меры оппѣсили выродившуюся династію Кловдига отъ Престола, и сами сдѣлались Королями (г. 752).

39. Не безъ великихъ затрудненій могла быть произведена столь важная перемѣна въ судьбѣ Гелейта, и нельзя опредѣлить эпохи, въ которую она начала и произведена была. Для современниковъ сія перемѣна была незамѣтна, и потому, что она произошла не вдругъ, а вводилась постепенно, и потому, что современники считали это дѣло частнымъ обстоятельствомъ, касавшимся только до Гелейта и до его начальника, Короля, и потому, наконецъ, что современники не могли предвидѣть и оцѣнить необъятныхъ послѣдствій, которыя отъ сей перемѣны должны были произойти для цѣлаго общества. По сей-то причинѣ и не найдемъ у современныхъ Писателей указанія, когда столь великая перемѣна произведена; достоверно только, что въ исходѣ VI вѣка, при внукахъ Кловдига уже существовало, по крайней мѣрѣ уже началось было, такое надѣленіе членовъ Гелейта. Впрочемъ въ средствахъ къ оному недостатка не было: Фискъ былъ довольно богатъ; онъ обнималъ цѣлую Галлію и многія земли въ самой Германіи, за исключеніемъ нѣхъ участковъ, которые розданы были Алодіальнымъ владѣльцамъ и Баронамъ. Выгоды таковое надѣленіе представляло великія: судьба cadaго воина въ Гелейтѣ и судьба его потомства обезпечивалась навсегда, и между нѣмъ Гелейтѣ основался по

прежнему въ цѣлости и соединеніи. Мысль распустишь Гемейтъ не могла и возникнуть: на немъ основывалось Государство, или лучше, онъ самъ составлялъ Государство, и слѣдственно сила его заключалась въ соединеніи и въ постоянной обязанности членовъ немедленно вооружаться и идти туда, куда позоветъ опасность. Неисполнявшіе сей обязанности не только лишались даннаго имъ Лена, но даже подвергались смертной казни. Такимъ образомъ, казалось, достигнута была цѣль, которой должно желать достигнуть всякое благоустроенное общество: выгоды общія тѣсно соединены были съ выгодами частными, и однако жъ таковое положеніе дѣлъ не могло остаться прочнымъ; оно проотивно человѣческой природѣ и ходу дѣлъ человѣческихъ. Естественнo было Ленному помѣщику желать и стремиться, чтобы его Ленъ перешелъ на его сына; съ этою цѣлю онъ принималъ улучшенія въ своемъ помѣстьѣ. Естественнo также было, что и Фискъ переводилъ помѣстье заслуженнаго отца преимущественно на его сына. Между тѣмъ время истощало память о способѣ и условіяхъ перваго пріобрѣтенія; фамилія, владѣвшая Ленoмъ въ шестеніе трехъ, четырехъ поколѣній, естественнo пріучалась считать оный своею полною собственностію, и Лены скоро сдѣлались наследственными. Никто не скажетъ, съ какого времени они сдѣлались наследственными; по существу они стали наследственными съ самаго того

времени, какъ члены Гелейпа развѣхались принявъ во владѣніе назначенныя имъ Фискальныя имѣнія, и уже въ послѣднихъ годахъ VI и въ первыхъ годахъ VII вѣка находилъсѣ довольно помѣру примѣровъ; по праву и закону они сдѣлались наслѣдственными гораздо позже, и также не вдругъ и большею частію по-одиначкѣ. Какой же видъ должно было получить общество, когда наслѣдственность Леновъ утвердилась?

40. Возьмемъ, говоримъ Гизо, Феодализмъ въ его проспѣйшемъ элементѣ, въ его элементѣ первобытномъ, основномъ; рассмотримъ одного Леннаго владѣльца въ его помѣсть; взглянемъ на то общество, которое составляетъ вокругъ его. Онъ поселяется въ мѣстѣ уединенномъ, возвышенномъ, которое спарается сдѣлать безопаснымъ и крѣпкимъ; тамъ строитъ онъ то, что въ послѣдствіи назоветъ своимъ замкомъ. Съ кѣмъ онъ поселяется здѣсь? Съ своею женою, съ дѣтьми; можетъ быть съ нѣсколькими свободными людьми, которые, не имѣя помѣстья, приспали къ нему, и продолжаютъ жить съ нимъ и имѣютъ отъ него свое содержаніе. Въспѣ, что населяетъ внутренность замка. Кругомъ, при подошвѣ, составляетъ небольшое общество поселянъ, работниковъ, воздѣлывающихъ земли владѣльца Феода. Среди сего низшаго населенія Вѣра воздвигаетъ храмъ и приводитъ въ сей храмъ Священника. Обыкновенно, въ первыя времена Феодальнаго правленія, эпомъ Священникъ есть вмѣстѣ духовникъ

зѣмка и приходскій Священникъ деревни; со временемъ сѣ два званія раздѣляясь: деревня будетъ имѣть своего Священника, который и будетъ жить въ ней подлѣ своей церкви. Вотъ основное Феодальное общество, крупинка Феодальная, такъ сказать.—Оно дѣйствительно, въ уменьшенномъ видѣ, представляетъ образъ всего общества въ ту эпоху, когда Феодальная система распространилась всюду. Вассалы, духовенство, рабы: вотъ составныя части большаго Феодальнаго общества. Въ семъ обществѣ владѣлецъ Феода есть главное, единственное лице; все, что окружаетъ его, зависитъ отъ его воли и составляетъ его собственность,—земля, какъ и люди, на ней живущіе. Понятно, какую великую важность долженъ былъ имѣть Вассалъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, и сколь трудно ему было соединить обязанности повиновенія Королю и забытымъ скоро усядамъ Геллейта, съ чувствомъ собственной важности, съ чувствомъ независимости и господства; и сколь спешительно отбывалъ онъ отъ исполненія лежащихъ на немъ обязанностей подлѣ разными благовидными предлогами до той поры, какъ почувствовалъ возможность явно и гордо отъ нихъ отказываться; какъ привыкъ къ мысли, что онъ самъ полный господинъ своихъ дѣйствій, и стоитъ выше законовъ и выше всякой отвѣтственности.

III.

К Р И Т И К А.

Мысли Камчатскаго жителя о Романѣ:
К а м ч а д а л к а.

Нѣсколько лѣтъ лучшаго возраста проведены мною въ Камчаткѣ. Первые впечатлѣнія, первая связь сердца были тамъ, и эта страна, въ общемъ мнѣніи пустынная и печальная, сдѣлалась мнѣ любезною по воспоминанію. Разговоръ о ней съ тамошними моими друзьями, внезапная встрѣча съ новымъ пріѣзжимъ опшуда, всегда составляютъ самыя пріятнѣйшія для меня минуты.

Потому-то, прочитавъ въ Сѣверной Пчелѣ отрывки изъ Романа: *Камчадалка*, я съ нетерпѣніемъ ждалъ выхода въ свѣтъ этой книги, и признаюсь, опасался, чтобы она не измѣнила моимъ ожиданіямъ. Но что же? Читая ее, я позабылъ о книгѣ: мнѣ казалось, что я снова посѣтилъ знакомыя мнѣ мѣста, и снова увидѣлся съ людьми, давно со мною разлучившимися; такъ описанія мѣстъ въ семъ Романѣ вѣрны и живы, такъ историческія лица, изображенныя въ немъ, сходны съ подлинниками.

Протопопъ *Верещагинъ*, *Ивашкинъ* и многіе другіе, или совершенно извѣстны мнѣ по слуху, или знакомы лично; самая *Цыганка* есть лице не вымышленное, и была точно такова, какъ

изобразилъ ее Авторъ. Я смотрѣлъ на нее всегда съ ужасомъ, какъ на убійцу. Особенно же духъ стариннаго Камчатскаго управленія выраженъ въ лицѣ Антона Григорьевича съ большою вѣрностію и искусствомъ. Что дѣлалось тамъ встарину! Людей вѣшали безъ суда (*), били и убивали, встрѣчая челоуѣка съ благородною смѣлостію и чуждаго беззаконней покорности; о обыкновенныхъ же приписаніяхъ и говорить нечего. Любопытный можетъ прочесть предисловіе къ *Путешествію въ Америку Давыдова*, написанное однимъ изъ государственныхъ мужей. Тамъ можно увидѣть, что даже въ Охотскѣ, несравненно ближайшемъ, нежели Камчатка, и при томъ въ позднѣйшее время, Начальникъ посадилъ извѣстныхъ морскихъ офицеровъ, Хвостова и Давыдова, въ тюрьму безъ всякой вины, и едва не уморилъ въ ней, *полагая, что они много привезли золота изъ Японіи*. Справданіе ихъ возбудило жалость въ самыхъ караульныхъ, и они спаслись бѣгствомъ. — Вообще прежняя Исторія не только Камчатки, но и всей Сибири заключаетъ въ себѣ множество примѣровъ ужаснѣйшаго насилія и мо-

(*) Одинъ Камчадалъ, по глупости или по заблужденію, вздумалъ назвать себя Иисусомъ Христомъ, а другихъ рдовичей своихъ наименовалъ Апостолами, и подобно симъ названіямъ расположилъ съ ними въ юрты во время бѣды. Начальникъ узнавъ объ этомъ, и велѣлъ Камчадала безъ всякаго слѣдствія и суда распять.

жесть представилъ людей, неуступающихъ, хопя и въ маломъ видѣ, самымъ лютымъ пиранамъ, такъ, что вѣрное изображеніе ихъ, каково сдѣлано въ Камчадалкѣ, всегда покажется невѣроятнымъ для обитателей лучшихъ странъ и лучшаго вѣка. Само собою разумѣется, что Правительство наказывало виновныхъ; даже нѣкоторые изъ нихъ были казнены смертію, но отдаленность мѣста и неудобность надзора снова увлекали на путь насилія и самоуправства.

Такимъ образомъ Романъ *Камчадалка*, вѣрнымъ и живымъ изображеніемъ страны и дѣйствующихъ лицъ, привелъ меня, — скажу безъ малѣйшаго увеличенія, — въ восторгъ; я радовался подобно путешественнику, возвратившемуся на родину. И кто же прочтетъ безъ удовольствія книгу, въ которой живописуется страна необыкновенная и непосѣщаемая еще фантазіею? Конечно, о Сибири писали очень многіе, и въ томъ числѣ люди знаменитые; но еще не наступило время для общаго чтенія подобныхъ книгъ, и онѣ читаются весьма немногими, не исключая и самыхъ ученыхъ ex officio; а что сказать объ оспальной части публики? Возьмется ли, напримѣръ, самая умная дама за фоліанты Паласа, и будетъ ли опрысать пылъ съ Крашенинникова? Разумѣется, наступитъ время, когда и книги ученыхъ войдутъ въ общее употребленіе; но это время не есть настоящее. Теперь должно радоваться и тому, что

публика начинаетъ любить, по крайней мѣрѣ, чтеніе пріятное, и изданіе книгъ, подобныхъ Камчадалкѣ, гдѣ съ пріятностію соединяется существенная польза, распространеніе познаній объ отечествѣ, удовлетворяетъ потребности вѣка. Суетно идти противъ законовъ Природы, и думать, что можно ребенка приучить къ твердой пищѣ, когда онъ не имѣетъ еще зубовъ, или заставивъ юношу не дремать надъ Философіей, когда онъ рвется на веселыя пиршества. Кричи, какъ хочешь; дѣйствуй, какъ умѣешь, а вѣкъ дѣлаетъ свое: Романы расходятся быстро (*), между тѣмъ, какъ *Дюпенъ*, *Геренъ*, *Шлегель* лежатъ на полкахъ, при всей своей учености, и ждутъ благодушнаго часа продажи; но онъ еще не ударилъ!

И такъ, по моему мнѣнію; историческіе или описательные Романы, какъ пища самая приличная и полезная настоящему возрасту нашей публики, должны быть поощряемы всѣми средствами. Разумѣется, что изъ сего числа надобно исключить произведенія, такъ сказать, поденныхъ работниковъ, пишущихъ не по благородному влеченію къ пользѣ и удовольствію другихъ, а по заказу и изъ платы. Но для чего встрѣчались съ несправедливою и пристрастною хулою сочиненія, ознаменованныя печатью дарованія?

Недавно я прочиталъ въ 6 Но Телеграфа

(*) Юрій Милославскій напечатанъ въ 4-й разъ.

подобную выходку пропивъ Романа *Камчадалка*, и чѣмъ болѣе принесла мнѣ наслажденія сія книга, тѣмъ огорчительнѣе были для меня толки Критика.

»Новое произведеніе Г. Калашникова — ска-
запо въ Телеграфѣ: »почти во всемъ подобно преж-
нему. Разница въ томъ, что дѣйствіе новаго
Романа его перенесено въ Камчатку. Явились
новыя картины Природы и мѣстности, но дѣй-
ствующія лица остались почти тѣ же.»

Можно ли такъ говорить! Кто читалъ
Дочь Жолобова, тотъ знаетъ, что лица, дѣй-
ствующія въ Камчадалкѣ, не только не тѣ же,
но и не подобны. Настасья дѣвушка умная, доб-
рая, но болзливая, робкая, каковы почти всѣ,
воспитанныя въ купеческихъ домахъ; напропивъ
Марья, возросшая на лонѣ Природы, подъ влія-
ніемъ бурь и вѣтровъ, правда, невинна и про-
стодушна, какъ ребенокъ, но смѣла, рѣшитель-
на и исполнена высокихъ чувствованій, внушен-
ныхъ ей дѣдомъ-Христіаниномъ и добродѣтель-
ною Начальницею.

Ревизоръ — грубый злодѣй, дѣйствующій
по одной спраси безъ оспорожности, безъ
оглядки; Антонъ Григорьевичъ, хитрый мошен-
никъ, прикрывающій свои злодѣйства личною
законностию и ханжества. Обоихъ сердца напол-
нены злобою и развращеніемъ; но они имѣютъ
совершенно различныя опыты — и таковъ дѣй-
ствительно міръ, гдѣ повсюду наблюдаемый
взоръ вслрѣчаетъ въ единствѣ разнообразіе. По

мнѣнію моему, чтобы представить двухъ злодѣевъ, — но съ различными фizioноміями, нужно особенное искусство и большое познаніе людей. Прочія лица въ обоихъ Романахъ: Протопопъ Верещегинъ, Зуда, Ивашкинъ, старикъ Хабаровъ, Неудачинъ, Груздевъ и другіе не пишутъ ни какой параллели.

Нѣсколько окаянныхъ злодѣевъ — продолжаетъ Крипикъ — въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго зерна добродѣтели, и нѣсколько идеально-добродѣтельныхъ людей. Первые стараются погубить послѣднихъ, а за послѣднихъ работаетъ судьба, и счастье награждаетъ ихъ терпѣніе. — *Хорошо, если бы такъ было въ дѣйствительности!*

Но! Такъ и есть точно въ дѣйствительности! Въ бореніи слабости съ силою, добродѣтели съ порокомъ, добра съ зломъ, заключается вѣчное движеніе, вѣчная жизнь. Самая первая страница Исторіи обогрета кровію добродѣтельнаго, расперзаннаго злодѣемъ, а что далѣе? Спрашная бивша на смерть цѣлыхъ народовъ — поработителей и защитниковъ своей свободы. Взглянемъ на событія опечественныя: Россія и Татары, Петръ и Карлъ XII, Александръ и Наполеонъ. — Одни и тѣ же явленія, только подъ различными видами, въ большемъ и меньшемъ размѣрѣ, повторялись во всѣ времена; но почти всегда торжествовало добро надъ зломъ, мужественное терпѣніе надъ насиліемъ. Не видѣшь сего очевиднаго и мудраго строительства въ

бытія рода человѣческаго можно только, или по глубочайшему невѣжеству, или по великому ожесточенію сердца противъ Промысла.

»Въ характерахъ Романа не видно ни малѣйшей естественности: ибо въ Природѣ нѣтъ такихъ злодѣевъ; нѣтъ и такихъ идеальныхъ людей, какихъ изображаетъ Авторъ.»

Сія спрочи могли происпечъ только изъ двухъ началъ: или изъ положительнаго незнанія Психологін и Исторіи, или изъ твердаго намѣренія осудить чужой трудъ. Конечно, человѣкъ не вездѣ представляется одинаковымъ. Изученіе его трудно, и познаніе души есть одно изъ самыхъ обширнѣйшихъ и сокровенныхъ: ибо рѣдкія явленія ея, рѣдкія мысли и чувствованія выплываютъ на поверхность бездны, въ копорой они таятся. — Но хотимъ ли узнать, до какой степени преступленія могутъ дойти люди: повѣжайте въ спрану, гдѣ встрѣчаются несчастные, неимѣющіе надобности даже въ лицемѣріи — и здѣсь-то можно услышать печальную повѣсть, какъ человѣкъ, переходя лѣспвицу порока и злодѣяній, падаетъ изъ пропасти въ пропасть, безъ страха и безъ раскаянія. Преступленіе обращается уже въ спрашную привычку, и дѣлается потребностію души. Я видѣлъ людей двѣнадцать разъ наказанныхъ, и снова пускавшихся на разбой и убійства. Я видѣлъ человека, убивавшаго людей не изъ корысти, не изъ злобы, а истинно сказать: такъ, изъ ничего. Я видѣлъ — кого бы вы подумали? — видѣлъ

старуху, которая была одержима страшною жаждою убійствъ, и которая, едва излечиваясь отъ наказанія, совершала, при первомъ случаѣ новое злодѣяніе: необходимость заставила запретъ ее на вѣчное заключеніе. Повѣрите ли, наконецъ: я говорилъ съ однимъ изъ подобныхъ чудовищъ, и слышалъ отъ него, что онъ чувствовалъ смертельное томленіе, неизобразимую тоску, призывавшую его въ дѣсь, на разбой; и дѣйствительно, покидая домъ, жену, дѣтей, онъ бѣгалъ каждую весну за новыми преступленіями и за новымъ наказаніемъ! Послѣ сего стоить еще привести на память нѣсколько страницъ изъ Светонія, изъ Тацита, изъ Карамзина — и, мнѣ кажется, нельзя не согласишься съ этою истинною, что сердцу человѣческому на пути преступленія нѣтъ предѣла, при которомъ бы преступникъ сказалъ себѣ: нельзя далѣе! Не соединяетъ ли Исторія часто въ одномъ лицѣ: развратника, обольстителя, насильника, убійцу, лицемеръ, грабителя и пирана? Примѣръ опытать легко. Если же въ благоустроенномъ обществѣ рѣдко являющіяся сіи нравственные чудовища, то надобно благодарить страхъ наказанія. Много ли людей, не дѣлающихъ зла единственно по любви къ добродѣтели?

Теперь мнѣ остается только повторить вышесказанное, т. е. что нѣкогда Начальники Камчатки, огражденные страшною отдаленностію и величайшею трудностію пути отъ карающаго взора Высшей Власти, могли легко и

долго укрываться отъ ея наблюденія, и находилсь именно въ положеніи челоѣка, неспрашающагося кары закона.

Авторъ Романа не исключилъ, однако жъ, изъ сердца Антона Григорьевича всѣхъ проявленій добра: чувство Природы въ немъ оснѣлось, и когда онъ удостовѣрился, что погубилъ своего сына, то пришелъ въ отчаяніе, и — закололся. Не то же ли самое видимъ въ *Лукреціи Борджіа*, твореніи лучшаго Французскаго Романиста? Между тѣмъ надобно сказать, что на землѣ бывали злодѣи еще хуже Борджіа и Антона Григорьевича — злодѣи, которые убивали своихъ дѣтей, и не приходили въ отчаяніе. До какого ужаса не доходилъ, напримѣръ, злодѣйство у Шекспира въ лицѣ Ричарда III, который убилъ мужа, а женѣ, въ то время, какъ хоронятъ убитаго, предлагаетъ свою руку, или въ лицѣ Эдиунда (*), лицемеръ, обманщика, обольстителя, клеветника, брато и отце-убійцы, и наконецъ цареубійцы? Но это написалъ Шекспиръ — и гений его налагаетъ молчаніе на уста Критика, между тѣмъ, какъ несравненно слабѣйшій характеръ Антона Григорьевича кажется и преувеличеннымъ и неестественнымъ.

Прочія лица, принадлежащія къ партіи Антона Григорьевича, суть историческія, и мнѣ кажется, для каждаго, сколько нибудь знакомаго съ людьми, не требуютъ поясненій. Посему я

(*) Король Лиръ.

переходу къ лицамъ, которыя Критикъ называетъ идеальными, желалъ назвать *идеально-добродѣтельными*.

Неужели также можно назвать неестественнымъ и характеръ Маріи, Ивашкина, Протопопа? Нѣтъ. О последнемъ самъ Критикъ говоритъ, что онъ есть живое *изображеніе истиннаго Христіанина*. Въ чемъ же заключается идеальная добродѣтель Ивашкина? Въ томъ ли, что онъ, желая спасти стараго друга, возвратился въ Пемпропавловскъ, хотя и могъ бѣжать отсюда? Если и такой поступокъ есть неестественный, то надобно отвергнуть вѣру во всякую добродѣтель. Къ счастью, мы видимъ въ Свѣтѣ и въ Исторіи примѣры самоотверженія несравненно разительнѣйшіе. Притомъ въ поступкахъ Ивашкина не видно ли болѣе чело-вѣка благоразумнаго, нежели самоотверженнаго? ибо онъ не рискуетъ жизнью, не идетъ безумно на встрѣчу несчастія, не презираетъ средствами избавиться отъ бѣды, и сначала совѣтуетъ Зудѣ бѣжать отъ гонителя, а потомъ самъ управляетъ побѣгомъ Мичмана. Гдѣ же тутъ идеальная, несбыточная добродѣтель? Мнѣ кажется, несравненно болѣе неестественности въ характерѣ: напримѣръ, *Паломника* (*), который съ нечеловѣческимъ самоотверженіемъ, давъ странную клятву, самъ послѣ того безпрестанно кладетъ голову свою въ пещю, и является

(*) Клятва при гробѣ Господнемъ, Г. Полеваго.

на всѣхъ мѣстахъ: то въ палапахъ Софіи, то въ домѣ Косаго, то на Новгородскомъ Вѣчѣ, подобно извѣстному старику *вездѣ и нигдѣ*. Конечно, точно такое же лице мы встрѣчаемъ въ *Шніонѣ* Купера, съ котораго, кажется, и срисовалъ своего героя Г. Полевой; но Паломникъ слишкомъ уже хиперъ и шапшвенъ, и слишкомъ удачно появляется повсюду, гдѣ только требуется его польза. Отъ сего примѣра еще разъ перейдемъ къ Шекспиру—идолу нынѣшняго времени, и напомнимъ читателю объ Антониі (*), который, изъ любви къ своему другу, Бассанію, съ величайшею готовностію отдаетъ за него часть своего пѣла и съ нею жизнь. Вотъ его слова: »Дайте, Бассанію, руку вашу мнѣ, прощайте! Но *не грустите*, что палъ за васъ.« И такъ, умирая за Бассанію, который чрезъ него сдѣлался и богатъ и женатъ на прелестной дѣвушкѣ, Антонию еще о немъ же заботился: »*не грустите*, что за васъ палъ.« Вотъ идеальная дружба и добродѣтель!

Въ характерѣ Маріи я также не вижу ни малѣйшей неестественности. Неужели дѣвушка, отвергающая съ отвращеніемъ ласки злодѣя, готовая лучше умереть, нежели согласиться на безчестіе, и въ несчастіи прибѣгающая къ Богу, можетъ назваться идеальною, несуществующею въ Природѣ? Неужели болѣе естественности въ душахъ слабыхъ и порочныхъ?

(*) Трагедія: Венеціанскій купецъ.

Къ счастію человечества—нѣтъ! Не говоря о Романахъ Вальтеръ-Скотта, гдѣ всѣ героини также идеальны, говорю о мірѣ дѣйствительномъ: есть въ немъ порочные, есть люди теплохладные, по выраженію одного Христіанскаго мудреца, но есть и души свѣтлыя, проникнушыя небесною любовію къ добродѣтели — и надобно сказать правду: такія души большею частію не между мужчинами.

»Театральность въ Камчадалкѣ доходитъ до смѣшнаго. Напримѣръ: глупый дьячекъ перяетъ свои рукавицы для того, чтобы на этомъ завязался весь Романъ.»

Тупъ нѣтъ ничего, что бы могло разсѣивать человѣка разсудительнаго. Не на потерѣ рукавицъ завязался Романъ; но по причинѣ этой потери произошла только остановка въ путешествіи, ибо кто ѣздитъ на собакахъ, тотъ знаетъ необходимость имѣть рукавицы, безъ которыхъ легко можно отморозить руки. И сверхъ того, если бы даже и дѣйствительно на этомъ былъ завязанъ Романъ, то и путь нѣтъ ничего неестественнаго. Сколько въ мірѣ случилось важнѣйшихъ событій, коихъ причина была ни чѣмъ не важнѣе потери рукавицъ! Напримѣръ: кто не знаетъ, что судьба цѣлой вселенной была бы совсѣмъ другая, родъ человѣчскій имѣлъ бы совсѣмъ другую Исторію, если бы нѣкогда не вздумалось гуслямъ прокричать въ роковой часъ въ стѣнахъ Капитолія?

»Корабль горитъ именно въ то время, ко-

гда Протопопъ съ внучкою останавливается въ свѣту.»

Конечно, корабль могъ горѣть и прежде и послѣ; но нѣтъ ничего неестественнаго, если онъ загорѣлся и въ то самое время. Отъ столкновѣнія людей въ одномъ мѣстѣ въ одинъ моментъ рождаются всѣ происшествія полнѣйшаго міра. Напримѣръ: надобно же было несчастному камеру понуть въ то самое время, когда былъ вблизи его Петръ. Если бы сіе происшествіе было нѣсколькими часами прежде или послѣ, Россія не оплакивала бы въ 1723-мъ году потерю величайшаго изъ Государей, и послѣдующія происшествія ея могли бы быть иныя. Но такъ угодно было Провидѣнію, и кто же дерзнетъ сказать, что это было не въ порядкѣ Природы?

Въ самой Исторіи можно отыскать такихъ примѣровъ тысячъ, а сколько ихъ въ Романахъ! Приведемъ еще одинъ изъ Романа Г. Полеваго. Болринъ Іоаннъ не въ то ли самое время выезжаетъ съ постоялаго двора, какъ бѣжитъ мимо воротъ повѣздъ Косаго, который и нуженъ былъ всего болѣе для мятежническихъ замысловъ Іоанна? Не пріѣзжаетъ ли Юрій Патрикѣевичъ именно въ тотъ домъ, гдѣ разсказывалъ сказки Гудочникъ, похитившій у него государственную печать?

Въ заключеніе сего должно замѣтить еще, что навигація на Охотскомъ морѣ бываетъ и во время зимы: въ 1818 году пришелъ въ Кам-

натку В. М. Головиннѣ, когда еще память была совершенная зима.

»Начальникъ *нѣсколько* разъ покушается совершить злодѣяніе; но на избавленіе Маріи приходитъ то Мичманъ, то казаки въ самую послѣднюю минуту.»

Въ словѣ: *нѣсколько*, заключается непростибельная натяжка со стороны Крипика: ибо Начальникъ только дважды покушался на честь Маріи. Въ первый разъ онъ дѣлалъ сіе съ намѣреніемъ навлечь на нее подозрѣніе Мичмана, котораго уже къ себѣ ожидалъ, и который въ сей разъ не только не оказывалъ ей ни какой помощи, но напротивъ, въ изступленіи ревности, хотѣлъ заколотъ ее; а во второй разъ онъ былъ предувѣдомленъ о злодѣяніи, и что же страннаго, если онъ успѣлъ предупредить оное? Развѣ этого въ мірѣ не бываетъ? Развѣ всякое несчастное преступленіе непременно совершается? Не часто ли случается, что наведенное уже оружіе, съ поднятымъ куркомъ, ожидающее одного мгновенія, вдругъ отбивается спасительною рукою, и обреченная жертва избавляется отъ смерти? Преступленіе же Начальника не могло совершиться въ одинъ моментъ, и слѣдовательно спасеніе тѣмъ естественнѣе. Что же касается до казаковъ, то они ни разу не приходятъ на спасеніе Маріи *въ то время*, когда Начальникъ *покушается* совершить злодѣяніе, и съ чего же взялъ сіе Крипикъ?

»Распря Маріи съ Мичманомъ держится на

одномъ словѣ, и что же мѣшаетъ, наконецъ, сказать это слово?»

Изъ всѣхъ замѣчаній Крипика видно, что онъ не знаетъ человѣческаго сердца. Но тотъ, кто любилъ, и любилъ пламенно, тотъ согласился со мною, что самое ничтожное обстоятельство пробуждаетъ иногда ужасную ревность въ любящемъ сердцѣ, ежеминутно готовомъ къ подозрѣнiю. Мичманъ былъ убѣжденъ, что Марiя ему измѣнила, передавъ Начальнику его тайну; видѣлъ ее въ самомъ непзѣяснимомъ для себя положенiи, и могъ ли не почувствовать всего пожирающаго огня ревности, бывъ человѣкъ молодой и пламенный? Могъ ли онъ послѣ всего видѣннаго имъ еще сомнѣваться, и желать объясненiя съ Марiею? Марiя также не могла сего сдѣлать: ибо въ глазахъ Мичмана она читала гнѣвъ и отвращенiе. Начальница убѣждала ее; но оправданiе ея и обвиненiе Начальника могли ускорить смерть сей добродѣтельной женщины — и Марiя должна была молчать. Я не знаю, чему тутъ удивляться. Сколь часто случается, что отъ одного слова зависить судьба цѣлой жизни, и между тѣмъ нельзя его высказать!

»Смерть Начальницы, которая умираетъ въ ту самую минуту, когда готова высказать важную тайну.«—А смерть Боярина Ioанна въ ту самую минуту, когда онъ готовъ открыть Юрiю измѣну Морозова (*)? Начальница въ про-

(*) Клятва при гробѣ Господнемъ.

долженіи разсказа приняла ядъ, и естественнo могла умереть внезапно, а Бояринъ Іоаннъ вдругъ почувствовалъ приближеніе смерти безъ всякой посторонней причины.

»Съ какой стапи Цыганка убила своихъ дѣшей?«

Въ изступленіи, въ которое она впадала, бывъ возмущаема какими нибудь сильными впечатлѣніями. Таково было внезапное появленіе Мичмана, который составлялъ цѣль ея мщенія, какъ сынъ ея губимся и погубившій ее своимъ доносомъ. Въ бѣшенomъ безпамятствѣ она не узнала дѣшей, и сочла ихъ за враговъ, коихъ искала погибели. Отвергать временное изступленіе людей въ разпительныхъ обстоятельствевахъ значить вовсе не знать законовъ души человѣческой. Сверхъ того я выше сказалъ, что Цыганка есть лице историческое, и что она была точно такова, какъ изобразилъ ее Авторъ, т. е. приходила въ бѣшенство, въ которомъ она была готова на все.

»Отъ чего дѣчекъ вдругъ сошелъ съ ума и бѣжалъ въ лѣсъ?«

Отъ самаго живаго раскаянія. Онъ не былъ законный злодѣй, но болѣе глупый и въпренный; и потому, узнавъ, что Протопопъ, котораго онъ оклеветалъ и оскорбилъ, плащитъ ему за зло добромъ, онъ не могъ не почувствовать во всей силѣ вины своей, и не предаться мученію раскаянія, котораго явленія, описанныя

въ Романѣ, также весьма приличны его неосновательности и глупости.

»Какимъ образомъ Начальникъ оспался живъ въ подземельѣ, гдѣ завалили его тяжелыми камнями?»

Потому, что его никогда не заваливали камнемъ, а камень былъ приваженъ только къ подземелью. Какимъ же образомъ онъ освободился отъ пуда, сіе объяснено въ разговорѣ Ивашкина съ Мичманомъ (часть IV, стр. 138). Зачѣмъ, не прочитавъ внимательно книги, ошибаться и вводить другихъ въ заблужденіе?

»Но всего лучше землетрясеніе, которое раздѣлило его (п. е. Начальника) отъ Мичмана.»

И точно всего лучше! Описаніе землетрясенія, по своей живости и вѣрности, есть одна изъ прекраснѣйшихъ картинъ во всемъ Романѣ. Таково точно землетрясеніе было въ 1731 году, и послѣ того повторялось неоднократно; въ 1827 г. дѣйствіе подземнаго огня такъ было сильно, что во всей Авачинской губѣ подохла вся рыба. Провалъ же, случившійся во время землетрясенія, есть обстоятельство самое своеобразное съ естественнымъ состояніемъ Камчатки. Я самъ видѣлъ множество мѣстъ около Петропавловска, гдѣ земля совершенно пуста; иногда ставилъ на нее барабаны, и бой его чрезвычайно далеко раздавался подъ землю. Однажды случилось, что одинъ Патураллистъ, описывавшій Камчатскую Флору, едва только сошелъ съ холма, какъ земля обрушилась, и обра-

зовала глубокую пропасть. Я не именую его, но онъ живеть нынѣ въ южныхъ губерніяхъ, и если прочтешь сіи строки, то, безъ сомнѣнія, подтвердишь истину моихъ словъ. Явленія сіи, во время землетрясеній, повтораються чрезвычай-но часто, и я не знаю, почему не могло сего случиться во время поединка Мичмана съ Начальникомъ. Въ другой странѣ это, конечно, было бы невѣроятно; но въ Камчаткѣ это есть случай весьма естественный. И всякій подобный вымыселъ тогда только можетъ быть опровергнутъ, когда онъ несообразенъ съ мѣстностью.

Нельзя допустить, что человекъ погибъ въ Африкѣ, бывъ засыпанъ снѣгомъ, а подъ полярнымъ кругомъ — каленымъ пескомъ. Если же обстоятельство, по мѣстности края, совершенно вѣроятно, то оно и можетъ быть допущено. Самъ Г. Издашель Телеграфа допустилъ въ своемъ Романѣ обстоятельства гораздо невѣроятнѣйшія: смерть Краснаго. Мершвецъ вспалъ и говоритъ своему Боярину: »Петръ, гряди по мнѣ!« Бояринъ воскликнулъ: »гряду, Господи!« — и палъ мершвъ. Послѣ сего мершвецъ все еще продолжалъ пѣть, не раскрывая глазъ, и пропѣлъ нѣсколько псалмовъ! Основа сего происшествія есть историческая; но Г. Полевой распространилъ оное, присовокупивъ смерть Боярина и введя Шемяку, который — по лѣтописцу — пріѣхалъ уже по окончаніи сего явленія. Чѣмъ же объяснить его? Если волею

Провидѣнія, то почему же не допустить ея и въ другомъ случаѣ, когда готовилось одно изъ величайшихъ преступленій на землѣ: общедубійство? И почему сіе дѣйствіе невѣроятно? до какой степени должна простираься въроятность въ Романѣ, сочиненіи поэтическомъ? Нужна ли вообще въроятность въ произведеніяхъ Поэзіи? — Будемъ отвѣчать на сіе словами самого Телеграфа (1832 года No 8 стр. 545): »Въ Душенькѣ нѣтъ—сказано тамъ—тѣни въроятности, по мнѣнію Карамзина, какъ будто невѣроятно то, что творить *фантазія*, и какъ будто вдохновеніе Поэта должно сообщалась съ тѣмъ, что случается съ нимъ ежедневно?« Не соглашаемся съ сими словами; но оставимъ ихъ для примѣра, дабы показать, какъ шашки теоріи Телеграфа.

Сдѣлавъ вышензложенныя замѣчанія, Крипикъ съ величайшею скупостію исчисляетъ нѣкоторыя достоинства Романа, а потомъ говоритъ: »Но могутъ ли замѣнить частныя достоинства недостатокъ главный, первый въ Романѣ: недостатокъ созданія поэтическаго? Какимъ образомъ наши Писатели не постигаютъ важной для нихъ истины, что Романъ есть созданіе поэтическое? Какимъ образомъ хотятъ быть Поэтами безъ особеннаго на то призванія? Г. Калашниковъ издалъ теперь уже два Романа, а не написалъ ни одного.«

Крипикъ находитъ въ Камчадалѣ недостатокъ созданія поэтическаго. — Въ чемъ за-

ключается эпопѣею недостатковъ, и въ чемъ состоитъ истинная теорія Романовъ? Легко набросать замѣчаній и не подтвердить ни одного. Неужели вся цѣль критики должна только состоять въ томъ, чтобы унижить книгу и обидѣть Автора, и болѣе ничего? La critique est aisée, et l'art est difficile. Такая критика конечно легка, и весьма удобна для скорѣйшаго на-полненія пустаго мѣста въ Журналѣ; но полезна ли она и даже позволительна ли? вмѣсто пользы, вмѣсто пролипша свѣта, не увеличиваетъ ли она мрака въ душѣ читателя, не совершенно знакомаго съ теоріею?

Такимъ образомъ, вмѣсто пустыхъ и обидныхъ сеншенцій, стоило опредѣлить: что такое Романъ—и дѣло было бы весьма ясно. Вотъ выписка изъ новѣйшей теоріи, недавно читанной въ здѣшнемъ Университетѣ. »Обнаруживъ жизнь—говоритъ онъ—текущую въ границахъ общественнаго порядка и разбѣгающуюся каплями среди многосложныхъ, запутанныхъ его пружинъ, подобно водѣ въ мельничномъ колесѣ — жизнь, которая напрягается и истощается по видамъ страстей, такъ сказать, совершенно личныхъ, порождаемыхъ временемъ, мѣстомъ, обстоятельствомъ, — однимъ словомъ, показавъ человека такимъ, какимъ онъ представляется нашему разуму въ идеѣ существа общечеловѣческаго,— вотъ предметъ другой самостоятельной отрасли Эпической Поэзіи — Романа.« И такъ цѣль Романа есть изобразить человека въ

обществѣ, подъ вліяніемъ страстей, обстоятельствъ, нравовъ, предразсудковъ и проч.

Теперь обратимся къ Роману Г. Калашникова. Развѣ въ немъ не представляется чловѣкъ со стороны безконечнаго развитія его страстей, всѣ вліянія на него ограничивающей силы? Вотъ основная идея Камчадалки, совершенно согласная съ вышепомѣщенной теоріею, и непостижимая Критикомъ. Форма же, въ которую облечена сія идея, есть не Исторія, но вымыселъ, и вымыселъ, согласный со всѣми условіями чловѣческаго разума: слѣдовательно Камчадалка есть созданіе поэтическое, и слѣдовательно Романъ, по истинному его значенію. Критикъ самъ себя противорѣчитъ: называетъ лица, дѣйствующія въ семъ Романѣ, идеалами, и отвергаетъ въ немъ Поэзію; но гдѣ идеалы, тамъ вымыселъ, а гдѣ вымыселъ—тамъ и Поэзія. Можно сказать еще болѣе: въ созданіи только высочайшихъ идеаловъ, каковы напримѣръ: Мадонна Рафаэлева, Абадона Клоппшпоковъ, или Сапана Мильпоновъ, заключается Поэзія по превосходству.

Но если возразятъ мнѣ, что опредѣленіе Романа, мною приведенное и совершенно согласное съ сочиненіями знаменитыхъ Романистовъ, каковы Вальтеръ-Скоттъ, Викторъ Гюго, Куперъ и другіе, неправильно, то гдѣ же искать истинной теоріи? Обратимся въ послѣдній разъ къ чепыремъ помамъ *Клятвы при гробѣ Господнемъ*; Авторъ именуешь ее не Романомъ, а

Русскою Былью. Что же такое *Быль*? Авторъ ошѣстствуетъ: *Быль то, что точно было.* Если таково опредѣленіе *Были*: то Клятва при гробѣ Господнемъ рѣшительно не есть *быль*: ибо въ ней, хотя основаніе и историческое, какъ и во всякомъ историческомъ Романѣ, но подробности рѣшительно вымышлены. Начнемъ со старика Мамвѣя: былъ ли крестьянинъ Мамвѣй; сѣзжался ли онъ на постояломъ дворѣ съ Бояриномъ Іоанномъ; встрѣчался ли дорогою съ Паломникомъ; слушалъ ли отъ него рассказы о погдашнихъ географическихъ свѣдѣніяхъ: о поганыхъ народахъ, заключенныхъ Александромъ Великимъ; о лдяной пучинѣ и проч. (*)? Что значить все это? Картина того времени, поэтическое воскрешеніе минувшаго вѣка, Романъ, а не *быль*, при всемъ благородномъ желаніи Автора быть оригинальнымъ и написать книгу въ новомъ родѣ. Самъ онъ подтверждаетъ сіе собственными словами на 207 стр. III тома. Окончивъ выписку изъ летописи, онъ говоритъ: »Только ты, огонь воображенія, только ты, Поэзія, неугасимый свѣпильникъ истиннаго сердца! можешь обновить предъ нами жизнь минувшую, въ полномъ цвѣтѣ ея; можешь облечь силою сухія кости, вложить спраски въ исплѣвшія сердца, заставить биться опъ давно исплѣвшей крови.« И такъ Авторъ самъ

(*) Мы выше также замѣтили, что Г. Полевой распросиравилъ смерть Краснаго.

признается, что, оживоворяя мертвые картины, онъ прибѣгаетъ къ волшебному дѣйствию Поэзии, и слѣдовательно вымышляетъ, слѣдовательно — повторимъ сказанное выше — пишетъ не Быль, а Повѣсть, Романъ.

Но если Клятва при гробѣ Господнемъ есть Романъ, то я не вижу между ею и Камчадалкою ни малѣйшей разности, кромѣ того, что Г. Полевой перенесся своею фантазіею за 400, а Г. Калашниковъ за 50 лѣтъ. То же самое видимъ въ славномъ Романѣ Вальперъ-Скоппа, *Веверлей*, гдѣ описываютъ происшествія, случившіяся за 60 лѣтъ. Скажу еще болѣе: во многихъ изображеніяхъ Г. Полеваго я не вижу ни малѣйшей цѣли.

Для чего изображаетъ онъ съ величайшею подробностію крестьянскую избу, и говоритъ объ устройствѣ ея въ прошедшемъ времени?

»Это называлъ хозяинъ палаты; все это называлось *жирникомъ*.« Неужели? Съ какимъ намѣреніемъ описалъ Г. Полевой то, что можно видѣть въ каждой кухнѣ, п. е. ужинъ мужиковъ? И для чего помѣстилъ картины даже низкія? Напримѣръ: »Кто протащился — говоритъ Матвѣй — верстъ десятокъ два, не на подрядной, а на своей парѣ, тому надобно накормить этого дурака! — онъ ударилъ себя по довольно огромному брюху.« Не это ли поэтическое созданіе?

Я могъ бы сказать весьма многое о Клятвѣ при гробѣ Господнемъ; я могъ бы показывать,

какъ Г. Полевой впадаетъ въ самыя непрости-
пелыя ошибки пропивъ языка (*); какъ дѣ-
лаетъ самыя нелѣпыя сравненія (**); какъ, нако-
нецъ, заговаривается, и даже оскорбляетъ самыя
священныя установленія (***) ; но я не имѣю
намѣренія писать критики на твореніе Г. По-
леваго, и отдавая полную справедливость его
познаніямъ и дарованію, сожалею только о
томъ, что онъ спарается унижать чужіе тру-
ды, и мало обращаетъ вниманія на свои.

Возвратимся къ критикѣ: спашья о Романѣ:
Камчадалка, заключена слѣдующими словами: »Не
лучше ли бы увѣрился ему (Г. Калашникову),
что онъ со своимъ дарованіемъ и свѣдѣніями, мо-

(*) Часть II, стр. 139, вмѣсто: свекра — шестя;
стр. 135 обуюмъ, вмѣсто: надѣнемъ сапожки и проч.;
Часть IV стр. 48 вмѣсто: прошло человѣческихъ по-
колѣній — человѣческихъ родовъ.

(**) Часть IV стр. 231. разлученіе души съ тѣломъ
изображаетъ словами: „Такъ, идучи на почестъ и сла-
ву, юный супругъ медлишь разсѣпаться съ милою
своею подругою.“ Это душа и тѣло! Часть II.
стр. 149. Сравненіе Москвы съ красавицею: передъ
вами *милое* созданіе, *недородница*, *нерулиница*... Узнай-
те очаровательную дѣву, дайте милымъ, *всегда опу-*
щеннымъ глазами ея, сверкнууть на васъ...“ Что ра-
зумѣетъ Авторъ подъ аллегоріею опущенныхъ глазъ?
Не городскіе ли шлагбаумы?

(***) Часть II. Стр. 200 говоритъ о бракѣ: „Хоть
волосомъ челоуѣка привяжи, хоть кандалами прикуй
— все онъ на привязи.“

жестъ принести пользу на другихъ путяхъ Словесности, которые все пусты; на большой же романтической дорогѣ, гдѣ такая толкотня, оставишь толпу, съ которою не трудно сдѣлаться, и немногихъ избранныхъ, которые замѣтны во всякой толпѣ.»

Не говоря о другихъ Журналахъ, мы должны припомнить М. Телеграфу, что самъ онъ дважды отзывался благосклонно о первомъ Романѣ Г. Калашникова (*). Въ Сѣверной Пчелѣ, при извѣщеніи о второмъ изданіи сего Романа, было сказано, что Романъ сей, во Французскомъ переводѣ, былъ хвалымъ лучшими Французскими Писателями, каковы Викторъ Гюго, Альфредъ де Виньи и другіе. Равнымъ образомъ приняты были съ похвалою отрывки въ Германіи изъ Нѣмецкаго перевода. Романъ Камчадалка, какъ извѣстно изъ Сѣверной Пчелы, также переводился уже на Французскій и Нѣмецкій языки. Не многіе изъ нашихъ Писателей достигали сей чести, не исключая и самого Г. Полеваго, при всей благородной препензии его на Европейскую славу. И такъ, отъ чего роди-

(*) No 23 1831 г. при напечатаніи отрывка: „Сей Романъ уже печатается и вскорѣ будетъ выданъ. Съ удовольствіемъ помѣщаемъ отрывокъ изъ онаго въ Телеграфѣ: желая познакомить предварительно публику съ произведеніемъ, достойнымъ ея вниманія.“ No 24. того же года въ опчещѣ за годъ: „Съ удовольствіемъ спѣшимъ познакомить публику съ Романами К. П. Мас. и И. Т. Калашникова.“

лась такая заботливость объ участи Г. Калашникова? И сверхъ того спрашивается: кто раздаетъ эти совѣты (1)? Самъ ли Г. Издатель Телеграфа, или какой нибудь сотрудникъ его, обязанный изъ платы написать что нибудь о книгѣ и чѣмъ нибудь кончить свою Критику?

На это Г. Полевой отвѣчаетъ (2): »Кто писалъ? Журналь, называемый М. Тел. Пора отставать отъ этого стариннаго обычая, который укоренился въ тѣ времена, когда у насъ не было общаго мнѣнія. Г. Н... видитъ мнѣніе Журнала, который, разумѣется, не можетъ быть писанъ однимъ человекомъ. Мнѣніе Журнала есть мнѣніе многихъ людей, согласныхъ въ образѣ мыслей.« Такимъ образомъ, принимая на себя всѣ обидныя выходки, помещаемыя въ М. Телеграфѣ, Г. Полевой въ другомъ мѣстѣ еще хвалился тѣмъ, что онъ успѣлъ уже оскорбить, по крайней мѣрѣ, тысячу человекъ (3). Не-

(1) Критика никѣмъ не подписана.

(2) М. Тел. 1832 года No II. стр. 401.

(3) Разговоръ при Кляшеѣ при гробѣ Господнемъ, стр. 1. Х. „Я смѣло сказываю истину писателямъ и писателямъ знаменитымъ и не знаменитымъ; и въ теченіи семи лѣтъ сказалъ правду, по крайней мѣрѣ, 1000 человекамъ. Правда глаза колетъ: это дѣло извѣстное, и согласишься, что когда она уколола около 2000 глазъ, поестъ кому поморщиться при моемъ имени.“

Тамъ же на стр. XXXI. „Кто имѣлъ терпѣніе прочесть все, мною написанное, тотъ видѣлъ, что я

ужели въ эпоху тысячъ Русскихъ Писателей, которыхъ онъ даже не удостоиваетъ и симъ именемъ, были всѣ глупцы и невѣжи? Точно такъ, отвѣчаетъ Г. Полевой: ибо всѣ Русскіе Писатели суть мальчики, которые надѣли на себя манжеты, и важничаютъ на бульварѣ, какъ большіе (*). Какое же мѣсто занимаетъ между ними Г. Полевой? — Мѣсто учителя, и учителя самаго строгаго; потому-то и пользуется правомъ раздавать совѣты.

»Вы, господинъ такой-то — говоритъ онъ — извольте заниматься тѣмъ-то.

»Вамъ, Г. такой-то, давно я говорилъ, что вы неспособны къ этому роду; что же вы заставляете меня повторять двадцать разъ?

»Вы, Г. N. N! сколько разъ прикажете мнѣ твердить, что вы человекъ бездарный, ни къ чему неспособный, и что ваше дѣло пахать поле, а не писать!»

Что отвѣчать Авторамъ на сіи выговоры: »Виноваты, батюшка Николай Алексѣевич!»

Такимъ же образомъ Г. Полевой безъ пощады и безъ раскаянія безславить и оскорбляетъ драгоценную для каждаго Русскаго па-

ездѣ одинъ: подъ личиною *Живописца*, при взглядѣ на *Исторію* и въ криптикѣ на пошлыхъ чадъ бездарности и литературнаго хвастовства.“ Такъ говоритъ Г. Полевой другимъ, а между тѣмъ сколько скромности даже въ сихъ самыхъ словахъ!

(*) Сказано въ Московскомъ Телеграфѣ.

мѣть *Карамзина* (*), унижаетъ прекрасное пѣніе *Жуковского*, и осмѣливается даже ему подавать совѣты (**), всячески подкапывается подъ *Пушкина*, гиганта Русской Поэзіи; называетъ Романъ *Булгарина* литературнымъ ерехомъ; крипикуетъ безъ милости *Загоскина*; запрещаетъ писать *Погодину*... Но можно ли исчислить брань, произнесенную, по собственному признанію Г. Полеваго, на 1000 человѣкъ, какъ сказано выше?

Публика уже поняла Г. Полеваго; наступило время, когда онъ и самъ пойметъ, что для пріобрѣтенія истинной славы не достаточно однихъ ни дарованій, ни познаній; что благородство и скромность есть необходимое украшеніе всякаго Писателя, всякаго умнаго человѣка; что если вѣкъ *Карамзина* любилъ сего ве-

(*) Кромѣ безчисленныхъ оскорбленій за Исторію Государства Россійскаго, можно ли придумать несправедливѣе и дерзновеннѣе сихъ словъ: „Разсмотрише (сочиненіе *Карамзина*) и вы увидише, что все сосредоточивалось въ мысли о наружной опдѣлкѣ; видише иногда очень милыя картинки, добрыя чувства, семейную заботливость о словахъ и выраженіяхъ, но не находише главнаго: *мыслей*.“ (М. Телеграфъ 1852 № 18 стр. 246). У *Карамзина* нѣтъ мыслей! Читая сіи строки, даже не вѣришь глазамъ, и невольно спрашиваешь: Русской ли или въ здравомъ ли умѣ писалъ это?

(**) Смол. въ Телеграфъ разборъ Новоселья.

ликаго человека, если и теперь имя его производитъ пріятное впечатлѣніе на сердце: то потому, что съ этимъ именемъ представляется понятіе о человекѣ, сколько отличномъ по уму, сколько же любезномъ по сердцу; что никто не думаетъ оспаривать у Г. Полеваго его права на славу, но обидными и хвастливыми выходками своими онъ самъ терлеть, къ несчастію, общее уваженіе; и что, наконецъ, онъ самъ увѣрился, что самохвальство и всеобщее оскорбленіе всегда приносятъ самые горькіе плоды.

Оставимъ его, и обратимся къ Автору Камчадалки. Пожелаемъ Г. Калашникову продолженія успѣховъ на избранномъ имъ поприщѣ; будемъ просить, чтобы онъ не оставлялъ своего прекраснаго пера; презиралъ несправедливыя нападки, и не оглядываясь на лай, шелъ твердою ногою къ своей цѣли — знакомить съ своею родиною соотечественниковъ.

За Романъ же *Камчадалка* я имѣю порученіе, изъяснить ему благодарность отъ лица, извѣстнаго по своему просвѣщенію въ ученomъ свѣтъ — Вице-Адмирала Петра Ивановича Рикорда, который подъ голубымъ небомъ Гречіи, среди обширныхъ дипломатическихъ занятій, читая сей Романъ, повѣрялъ съ удовольствіемъ сходное съ натурою описаніе отдаленной, безлюдной, но какъ бы родной ему Камчатки, гдѣ онъ провелъ болѣе 8 лѣтъ, и будучи лишень всѣхъ пріятностей жизни образованнаго обще-

ства, долженъ былъ переносить суровость климата, и приспособлять себя къ грубой однообразной пищѣ и ко всѣмъ неудобствамъ помѣщенія въ самой скудной жилищѣ (*); ибо, устранный, по чрезвычайной своей отдаленности, отъ вниманія Правительства, край найденъ былъ имъ, при вступленіи въ управленіе онымъ, въ такомъ бѣдномъ и жалкомъ положеніи, что казалось, будто въ весьма недавномъ покло времени заселенъ оный Европейцами. — Сему-то добродѣтельному, неупоминному мужу обязана Камчатка устройствомъ многихъ человеколюбивыхъ въ оной заведеній, и безъ его истинно опеческаго попеченія о благѣ тамошнихъ жителей, можетъ быть, не много бы теперъ осталось въ живыхъ Камчадалъ. Они это живо чувствуютъ, и до сихъ поръ, безъ сердечнаго умиленія не вспоминаютъ имени Петра Ивановича Рикорда. Достойная похвала столь знаменитаго человека есть самая лестная для Автора Камчатки, и неопъемлемая.

П. Сополовичъ.

(*) Домъ П. П. Рикорда называли Камчадалы домомъ главнаго Камчатскаго посна, ш. е. родовича.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Овзрѣніе новѣйшихъ происшествій.

Франція.

Король намѣревается въ скоромъ времени отправиться въ Компьенъ на встрѣчу Королю и Королеву Бельгійцевъ. Съ нимъ поѣдетъ, какъ говорятъ, Князь Талейранъ, который прибылъ въ Парижъ 21 числа; на другой день являлись къ нему всѣ дипломаты, а 29 числа онъ имѣлъ продолжительную аудіенцію у Короля.

Министръ Юстиціи, Г. Барнъ, готовитъ къ слѣдующему собранію Палатъ законъ прошивъ политическихъ обществъ.

Циркулярнымъ предписаніемъ Военнаго Министра постановлено, что пѣхотные полки должны состоять впредь изъ 2.012 солдатъ и унтеръ-офицеровъ; только въ полкахъ, находящихся въ Африкѣ, будетъ по 2400 человекъ. Въ кавалеріи число людей въ полкахъ будетъ зависѣть отъ числа наличныхъ лошадей. Уменьшеніе пѣхоты должно быть произведено слѣдующимъ образомъ: 1-е, увольненіемъ въ отставку солдатъ, которыхъ срокъ службы оканчивается въ семь году; 2-е переводомъ 65 полубашаціоновъ въ резервъ; и 3-е опущеніемъ.

Въ Journal de Paris напечатаны слѣдующія подробности о нынѣшнемъ состояніи арміи и объ издержкахъ, употребляемыхъ на содержаніе оной. Бюджетъ Военнаго Министерства простирается въ семь году до 305.547.288 фр.; на сію сумму могутъ быть содержаны 410.916 чел. и 94.080 лошадей; по бюджету

шу 1834 года, въ арміи должно быть только 310.443 чел. и 56.765 лошадей, на содержаніе коней и на расходы въ Африкѣ, Министръ испредложилъ 226 600.000 фр. Такимъ образомъ расходы по Военному Министерству будутъ уменьшены 78 947.288 фр., армія 100.473 чел. и 56.515 лошадьми. По закону о призваніи на службу рекрутъ класса 1832 года, въ распоряженіе Правительства поступаютъ сначала только 10.000 человекъ, остальные 70.000 чел. останутся въ своихъ домахъ, и поступаютъ въ резервъ; если прибавятъ къ этому людей, уже причисленныхъ къ резерву, онъ будетъ простирается до 210.785 чел. Національная гвардія, недвижимая и подвижная, составляетъ болѣе трехъ милліоновъ человекъ.

Засѣданія Генеральныхъ Совѣтовъ закрыты. Нѣкоторые изъ сихъ Совѣтовъ положили просить, чтобы засѣданія ихъ могли быть публичными, и протоколы печатались. Почти все приняло мѣры для усиленія народнаго просвѣщенія, и вообще отдають преимущество методѣ взаимнаго обученія, не исключая и прочихъ. Большая часть Генеральныхъ Совѣтовъ отказали въ чрезвычайномъ опускѣ суммъ на содержаніе Духовенства, особенно высшаго; это обстоятельство имѣетъ замѣчательнѣе, что даже и въ Департаментныхъ, принадлежавшихъ къ бывшей Вандеѣ, Совѣты не согласились на опускъ подобныхъ суммъ.

Въ Журналѣ Le Temps говорятъ, что нынѣшнихъ Членовъ Палаты можно раздѣлить по происхожденію и по мнѣніямъ слѣдующимъ образомъ: Изъ числа 257 Перовъ, 18 принадлежатъ къ революціи 1789 года; 42 къ прежней аристократіи; 13 къ прежнимъ Парламентамъ; 34 къ Императорскому правленію; 57 служили въ Наполеоновыхъ арміяхъ; 17 придворныхъ и 76 Перовъ придерживаются

правиль Правленія Бурбоновъ. Въ Палатѣ Депутатовъ 15 человекъ принадлежатъ къ оппозиціи республиканской или суть противники нынѣшней династїи; пурисовъ лѣвой стороны 6; въ конституціонной оппозиціи считается 115 чел.; независимыхъ нейтральныхъ членовъ 71; независимыхъ министеріальныхъ 96; министерской партїи 74; Министровъ и людей, недавно возвысившихся 17 ч; чистыхъ доктринеровъ 10; придворныхъ должностныхъ лицъ 8; желающихъ возвращенія Бурбоновъ старшей линїи 23; легионистовъ 8; наконецъ 8 Членовъ недостаетъ. Всего 459 Депутатовъ.

Презектъ Сенскаго Департамента, Графъ Рамбюто назначенъ чрезвычайнымъ Государственнымъ Совѣшникомъ, и ему вѣлно участвовать въ дѣлахъ Государственнаго Совѣта.

Экспедиція, назначенная для завоеванія Бужїи, и состоящая изъ одного фрегата, двухъ военныхъ корветовъ, одного брига и трехъ казенныхъ перевозныхъ судовъ, вышла изъ Тулона 22 Сентября. На двухъ плавныхъ судахъ натожено шесть блокгаузовъ, которые будутъ поставлены на аванпостахъ.

По извѣстіямъ, полученнымъ изъ Испанїи о движенїяхъ Герцогини Беррійской и парохода ея Карль-Альбертъ, на всѣхъ берегахъ Западныхъ Департаментовъ приняты были мѣры предосторожности, и вѣлно наложить сіе на судно амбарго, какъ скоро оно появится. Наконецъ Карль-Альбертъ пришелъ въпорть Сешъ и немедленно осмопрѣвъ, но на немъ не найдено ни какихъ важныхъ бумагъ и вообще ничего подозрительнаго.

Во Франціи считается нынѣ 56.782 общины, имѣющія менѣе 1500 жителей; 1036 городовъ, въ которыхъ жителей отъ 1500 до 5000; 516 городовъ, имѣющихъ отъ 5000 до 20.000 жителей; 29, въ ко-

торыхъ считается ошъ 20.000 до 50.000 жителей, и 8, въ которыхъ болѣе 50.000 душъ.

Слѣственная Коммиссія по дѣламъ Алжирскимъ, пошчасъ по прибытіи своемъ на мѣсто, приступила къ дѣлу Желая осмошрѣть Белидскую долину, Коммиссія вышла 10 Сентября изъ Алжира въ сопровожденіи 4000 ч., состоявшихъ подъ командою самого Генерала Вуароля. По приближеніи ихъ къ городу Белидъ, нѣкоторые изъ почетныхъ жителей вышли къ нимъ на встрѣчу и объявили Генералу, что не надѣются предохранить Французовъ отъ величайшихъ несчастій, если они войдутъ въ городъ. Войска отправились обратно въ Алжиръ, и на всемъ пути были обезпокоиваемы ружейными выстрѣлами Арабовъ.

По извѣстіямъ, полученнымъ изъ Алжира, отправленъ шуда Адъютантъ Маршала Сульта.

Во всехъ Французскихъ колоніяхъ, именно въ Мартиникъ, Гваделупъ, Гвіанъ, Сенегалъ и на островахъ Бурбонъ, считается нынѣ 81.041 ч. жителей свободныхъ и 285.555 невольниковъ. Товаровъ привезено и вывезено въ прошломъ году на 114.551.972 фр.

Въ Мониперѣ напечатанъ докладъ Военнаго Министра и изданное въ слѣдствіе онаго Королевское повелѣніе о призваніи на службу половины втораго отдѣленія класса 1852 года, то есть 35.000 ч. Эта мѣра оказалась необходимою, какъ сказано въ докладѣ, потому, что въ нынѣшнемъ году весьма много солдатъ уволено въ отставку.

Правительство получило 10 Октября по телеграфу извѣстіе о благополучной высадкѣ на берегъ экспедиціи, отправленной въ Бужію. Городъ сей находится почти на половинѣ дороги между Алжиромъ и Константиною и въ нѣсколькихъ миляхъ отъ устья Зовага (Zowag), одной изъ главныхъ рѣкъ въ Регенствѣ, на берегахъ коей построена Константи-

на. Портъ Бужійскій гораздо больше Алжирскаго, но не столь удобенъ. Въ военномъ отношеніи она представляетъ пунктъ столь важный, что, по мнѣнію Англичанъ, изъ Бужіи можно было бы сдѣлать второй Гибралтаръ. Въ началѣ 16 вѣка Испанцы осаждали и взяли сей городъ.

Экспедиція, наряженная для изслѣдованія состоянія Алжирской колоніи, отправилась въ Бону. Генералъ Вуароль объявилъ въ приказахъ, что онъ въ скоромъ времени предприметъ экспедицію для наказанія Арабовъ, которые убили маркизантиновъ и другихъ людей, слѣдовавшихъ за войсками, сопровождавшими экспедицію въ поѣздкѣ ея къ городу Бидѣ.

Герцогиня Пармская, Піаченцкая и Гваспальская (Императрица Марія Луиза) предоставила въ распоряженіе Г-жи Лешниціи Бонапарте, матери Наполеона, наследство Герцога Рейхшпайскаго. Г-жа Лешниція тотчасъ приказала написать актъ, которымъ оружіе Наполеона отдала Французскому музею, а все имѣніе своего внука Французскимъ госпиталемъ.

Въ Парижѣ составилось ученое Общество для изданія оригинальныхъ документовъ по части Французской Исторіи. Въ числѣ членовъ сего Общества находится Министры Гизо и Тьеръ, Баронъ Пакье, Баронъ Барантъ, Графъ Моле, Викоитъ Бенъо, Бертенъ (Главный издатель *Journal des Débats*), Шамполіонъ-Фижакъ и прочіе.

Г. Анфаншенъ, глава секты Сентъ-Симонистовъ, съѣзъ въ Тулонъ на корабль, и пустился 22 Сентября въ Александрію; съ нимъ отправились Гг. Фурнель и Ламбертъ, бывшіе воспитанники Политехнической школы, Гг. Оливье, Гамашейнъ и Пешу, всѣ въ костюмахъ своей секты.

Маршалъ Клозель отправился въ Алжиръ.

Испания.

Король скончался 29 Сентября въ 5 часа по полудни. По послѣднимъ послановеніямъ, Е. В. вдовствующая Королева объявлена Регентшею на время несовершеннолѣтія юной Королевы Изабеллы. Министры оспались на своихъ мѣстахъ. Въ Мадридѣ все спокойно. Эти извѣстія напечатаны въ Мониторъ и сообщены Правительству по телеграфу Г-мъ де Рейневалемъ, Французскимъ Посланникомъ въ Мадридѣ. — Въ Journal des Débats присовокупляютъ, что въ Мадридѣ составленъ Совѣтъ Регентства, коего Члены суть: Инфантъ Донъ Францискъ де Паула, Епископъ Севильскій, Г. Зса, Герцогъ де л'Инфантадо и Генералъ Каспаньосъ. Въ послѣдствіи получена въ Парижъ чрезвычайнымъ путемъ Мадридская Придворная Газета отъ 30 Сентября. Въ ней напечатаны первые оффиціальныя докуменшы, изданныя по смерти Короля. По симъ документамъ кажется, что Королева одна приняла Регентство. По крайней мѣрѣ въ нихъ ничего не говорится о Совѣтѣ Регентства. По донесенію Врачей, Король скончался отъ апоплексическаго удара. Немедленно по полученіи въ Парижѣ извѣстій о смерти Фердинанда VII, въ Мадридѣ отправленъ Графъ Лудовикъ де Ларошфуко съ письмами отъ Короля и Королевы къ вдовствующей Испанской Королевѣ; а 6 Сентября пріѣхалъ въ Парижъ изъ Мадрида бывшій Государственный Секретарь Маркизь де Каза-Прухо.

Королева, вступающая на престолъ подъ именемъ Изабеллы II, родилась 10 Октября 1830 года. Вдовствующей Королевѣ, Маріи-Христины, 27 лѣтъ, сестрѣ ея, Инфантинѣ Луизѣ-Христины, 29. Покойному Королю Фердинанду VII было 49 лѣтъ; брату его Дону Карлосу, 46; другому брату его, Дону Фран-

циску де Паула, только 34 года. у Дона Карлоса есть сынъ пятнадцати лѣтъ.

Въ изъкопныхъ газетахъ говорятъ, будто многія провинціи провозгласили Дона Карлоса Королемъ, и будто въ улицъхъ Мадрида происходятъ кровопролитныя драки между жившими и солдатами. Но всѣ эти извѣстія, вероятно, несправедливы, иначе они были бы получены въ Парижъ по телеграфу; а какъ Г. де Рейневаль ничего не сообщалъ посредствомъ сего способа, то изъ этого заключаютъ, что послѣ смерти Короля ничего примѣчательнаго не случилось.

А н г л и я.

Говорятъ, что Король и Королева намѣрены въ скоромъ времени посѣтить Шотландію.

Не смотря на строгія мѣры, принимаемыя Правительствомъ, во многихъ Графствахъ въ Англіи, особенно же въ Нортумберландѣ, происходятъ безпрерывные поджоги; недавно двое злодѣевъ, уличенные въ семь преступленій, повѣшены, но это не помѣшаетъ ихъ сообщникамъ поджечь нѣсколько фермъ въ Монкпортъ; всѣ розысканія и даже обѣщаніе важной награды, тѣмъ, которые откроютъ преступниковъ, остались безъ результатовъ.

Министерство уничтожило при мѣста слѣдственныхъ Коммиссаровъ въ Ирландіи, изъ копѣй каждому производилось по 1200 ф. ст. (57.500 р.) жалованья.

Въ Англійской торговлѣ царствуетъ нынѣ дѣятельность, какой уже давно не замѣчали. Цѣны на всѣ товары возвысились. Отъ этого происходитъ то, что работники почти всѣ заняты, и потому народъ не слушаетъ возмущителей. Но эта усиленная

дѣлательность послѣ продолжительнаго бездѣйствія производить одно вредное послѣдствіе: всякой, кто имѣетъ хотя небольшой капиталъ, употребляетъ его на промышленныя спекуляціи; товаровъ производятъ болѣе, нежели требуется, и потому скоро можетъ послѣдовать противодѣйствіе; надобно только вспомнить 1825 годъ. Во всякомъ случаѣ цѣна товаровъ должна въ скоромъ времени понизиться, по-тому, что всѣ рынки будутъ ими завалены.

Герцогъ Кумберландскій со всѣмъ своимъ семействомъ отправится 30 Сентября въ Кале, откуда онъ, какъ мы уже говорили, поѣдетъ въ Вѣну.

28 Сентября происходило въ Лондонѣ избраніе Лорда Мра. Выборъ палъ на Альдермана Феребротера.

Дублинскіе Журналы наполнены подробностями торжественнаго приѣма, сдѣланнаго новому Лорду Намѣстнику.—Г. Генрихъ Грей, братъ перваго Министра, наименованъ Контролеромъ Маркиза Веллесли.

Графъ Грей сообщилъ, какъ говорятъ, планъ преобразованія Ирландской Церкви Архіепископу Кентербургійскому; но тотъ не одобрилъ его. Полагаютъ, что планъ сей отосланъ будетъ Королемъ въ Нижнюю Палату.

Комитетъ, наряженный Нижнею Палатою для изслѣдованія состоянія земледѣлія въ Великобританіи, напечаталъ докладъ свой. Комитетъ говоритъ, что сія отрасль промышленности находится и понынѣ въ весьма жалкомъ положеніи; что касается до мѣры улучшенія оной, то по сему предмету сказано въ докладѣ слѣдующее: „Законодательная власть можетъ причинить большое зло, вытѣшавшись въ дѣла, касающіяся до земледѣлія, но ей трудно было бы произвести такимъ образомъ какое либо благо.“ —

Издатели Times весьма недовольны симъ докладомъ; они утверждаютъ, что въ немъ нѣтъ ничего новаго, что онъ ни сколько не распространяетъ познаний по сей части, и не разрушаетъ ни одного стариннаго предразсудка.

Въ Standart напечатанъ слѣдующій списокъ политическихъ газетъ, выходящихъ, вопреки существующимъ законамъ, безъ штемпеля. „*Покровитель бѣдныхъ* (Poor man's Guardian), издаваемый Гетерингтономъ, Ирландскимъ Каптоликомъ, выходитъ въ числѣ 28 000 экземпляровъ; *Разрушитель*, издаваемый тѣмъ же Гетерингтономъ, расходился въ числѣ 8000 экз. Безполезно было бы говорить о правилахъ сихъ газетъ, продающихся наиболѣе въ Графствѣ Ланкашперскомъ. *Военная перчатка*, издаваемая знаменитымъ Карлейлемъ, печатается въ числѣ 22.000 экземпляровъ. *Космополитъ*, *Другъ бѣдныхъ*, *Кризисъ*, *Человѣкъ*, *Преобразователь*, расходился въ числѣ 5 или 7000 экз. Это главные газеты, издаваемыя безъ штемпеля въ Лондонѣ; но сверхъ того нѣсколько подобныхъ Журналовъ выходитъ въ Лидсѣ, въ Бретфордѣ, въ Манчестерѣ. Таковы первые плоды новѣйшихъ усилій распространить просвѣщеніе во всѣхъ классахъ народа; они способствуютъ распространенію сихъ зажигательныхъ газетъ, проповѣдующихъ самыя опасныя правила и содержащихъ въ себѣ самыя невѣрныя свѣдѣнія.“

Маркизь Англьси, Лордъ Педжешъ и Сиръ-Джонъ Муррей отправились изъ Лондона черезъ Францію въ Испанію.

Князь Михаилъ Суццо прибылъ 5 числа изъ Парижа въ Лондонъ.

Въ Лондонѣ умеръ Г. Ричардъ Геберъ, одинъ изъ величайшихъ библіотиковъ нашего времени; онъ оспа-

вилъ библіотеку сполъ большую, что ея не возможно продать съ аукціона въ цѣлый годъ.

Сиръ Дж. Гершель отправляется на Мысъ Доброй Надежды, чтобы наблюдать неподвижныя звѣзды южнаго полушарія; надобно было нанять восемь повозокъ для перевозки его телескоповъ и другихъ инструментовъ изъ его дома къ морю.

Королевскій бриггъ Ринальдо привезъ извѣстія изъ Рио-Жанейро отъ 2 Августа. Безпокойство, возбужденное минною высадкою Дона Педро на Бразильскій берегъ, совершенно прекратилось; но говорятъ, что эти слухи значительно усилили его партію. Въ Times напечатано письмо изъ Лиссабона отъ 24 Сентября, въ которомъ, напротивъ того, сказано, что Донъ-Антоніо д'Анраде напрасно убѣждалъ Дона Педро возвратиться въ Бразилію. Донъ Педро объявлялъ рѣшительно, что никогда не приметъ короны ни Бразильской, ни какой другой; что онъ навсегда отказался отъ престола, и желаетъ только, чтобы утвердилось царствованіе сына его, Императора Дона Педро II.

П О Р Т У Г А Л Ъ С К І Я Д Ъ Л А.

Во всѣхъ Англійскихъ Журналахъ опровергають нынѣ слухъ, ими же самими распушенный, будто бы между обѣими партіями въ Португаліи начались переговоры; поводъ къ симъ извѣстіямъ подалъ, какъ кажется, частный разговоръ между Полковникомъ Геромъ (Hare), состоящимъ при Лордѣ В. Русселѣ, и Маршаломъ Бурмономъ, разговоръ, неимѣвшій впрочемъ ни какихъ послѣдствій. Въ Times говорятъ, что Маршалъ Бурмонъ сказалъ, что онъ не предприметъ вторичной атаки противъ Лиссабона, потому, что

это было бы бесполезно, но что онъ сдѣлаетъ изъ Португаліи новую Вандею. Въ Albion увѣряютъ, что Маршалъ на многихъ пунктахъ еще приблизился къ Лиссабону, между тѣмъ, какъ съ другой стороны Генералъ Ларошжакленъ на лѣвомъ берегу Тага также приблизился къ столицѣ, и всякой день получаетъ подкрѣпленія.

Графъ Сентъ-Доренко оправился отъ болезни, и снова вступилъ въ управленіе Военнымъ Министерствомъ, которое ввѣрено было на время Маршалу Бурмену.

Замѣчательно, что въ то самое время, какъ разнесся слухъ о переговорахъ, будто бы предложенныхъ Дономъ Мигуэлемъ, въ Times, Журналъ совершенно преданномъ партіи Педристовъ, напечатана была статья, въ которой Издатели признаются, что большинство голосовъ въ Португаліи въ пользу Дона Мигуэля; не менѣе замѣчательно слѣдующее письмо изъ Лиссабона, напечатанное въ томъ же Журналѣ: „Нѣтъ ни какого сомнѣнія въ томъ, что Донъ Мигуэль еще долгое время не будетъ принужденъ распустить свою армію, потому, что все провинціи, находящіяся въ тылу его войска, совершенно ему преданы, и изобиліе хлѣба и плодовъ въ нынѣшнемъ году обезпечивавшъ его продовольствіе. Къ нему недавно явились нѣсколько Французскихъ офицеровъ, прибывшихъ на пароходѣ, которому удастся обмануть бдительность Педристскихъ судовъ, и войти въ небольшой портъ Сантъ-Мартино.“

Въ письмѣ изъ Лиссабона, напечатанномъ въ Journal de Francfort, сказано между прочимъ слѣдующее: Съ вечера 6-го числа Мигуэлистская армія занимаетъ Альянтарскій мостъ, ведущій изъ Белемскаго предмѣстія въ Лиссабонъ. Съ другой стороны города, гдѣ происходила главная атака, войска

проникли до улицы Св. Иосифа и даже до публичнаго гульбища. Въ послѣдствіи они принуждены были отступить, но сохранили нѣкоторые пункты сполнѣ важные, что 8 числа Донъ Педро приказомъ выжечь все предместье, чтобы выжить ихъ отсюда.

Корабль Лордъ Нельсонъ, вышедшій изъ Лиссабона 18 Сентября, привезъ письмо въ которомъ сказано, что Мигуэлисты снова атаковали Лиссабонъ 14 Сентября, но были отбиты, лишившись 2000 человекъ. Атака началась въ 5 часовъ утра и сраженіе продолжалось до 9 вечера. Оборонительныя линіи вокругъ Лиссабона окончены. Изъ писемъ, привезенныхъ на семь же кораблѣ, узнали, что пароходъ Lord of the Isles взявъ 12 числа однимъ изъ бригговъ Дону Маріи. На семь пароходѣ, нанятомъ въ Лондонѣ агентами Дона Мигуэля, находились 25 или 30 Французскихъ офицеровъ, которые, какъ говорятъ, высажены въ Санъ-Маршино до взятія парохода.

Въ Hampshire Telegraph напечатано письмо изъ Опорпа отъ 18 Сентября; въ немъ сказано, что остающіеся въ семь городѣ войска состоятъ изъ 2000 Португальцевъ, 400 человекъ Шотландской бригады и 300 человекъ Англійской бригады.

Пароходъ African пришелъ 1 Октября въ Фальмутъ, и привезъ извѣстіе изъ Лиссабона отъ 25-го, а изъ Опорпа отъ 26 Сентября. Дона Марія вышла на берегъ въ Лиссабонъ 22 числа, и принята, какъ уверяютъ, съ величайшимъ воспоргомъ. Министры, Англійскій и Французскій, равно какъ и Командиры Англійскихъ и Португальскихъ кораблей, сопровождали ее до самаго дворца. На другой день она ѣздила по главнымъ улицамъ, обзрѣвала линіи, и наконецъ присутствовала на празднѣ. 24 числа Маршалъ Бурмонъ, Генералы Ларошжакленъ и Клуэ и 116 офицеровъ оставили службу Дона Мигуэля, и отправившись,

какъ полагають, въ Испанію. (Извѣстіе сіе подтверждено письмомъ Адмирала Нашира къ одному пріятелю его въ Гаврь.) Войска Дона Мигуэля опустушили на три мили отъ Лиссабона; главное начальство надъ его арміею принялъ Генераль Макдональдъ.

Графъ Салданья пожалованъ Докою Марією въ Фельдмаршалы; онъ намѣревается атаковать непріятеля въ полѣ, какъ скоро получитъ ожидаемыя 20.000 ружей. Герцогъ Пальмелла былъ опасно боленъ холерою; но здоровье его уже поправляется. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, Ксавье, спражденъ водною болезнію.

Въ Лиссабонской Хроникѣ отъ 24 Септября напечатанъ декретъ о образованіи Государственнаго Совѣща. Члены онаго назначаются на всю жизнь. Они суть: Герцогъ Пальмелла, Герцогъ Фуншалъ, Тригозо, Каула, Гверреро, Баррадось, Салданья, Маржіохи, Монтейро; три мѣста еще не заняты.

Р а з н ы я и з в ѣ с т і я .

Въ Бельгійскихъ Журналахъ говорятъ, что Французское Правительство снова прислало нѣкоторую сумму въ уплату за припасы, поставленные для Французской арміи, осаждавшей Антверпенскую цитадель. Въ первый разъ роздано однимъ жителямъ Антверпенскаго Округа 87,000 фр.—Англійскій Полковникъ Г. Листеръ былъ оскорбленъ нѣсколькими солдатами, вѣроятно, пьяными, и прибитъ до полусмерти. Сиръ Р. Адеръ претовалъ удовольстворенія, но Военное Министерство не отыскало виновныхъ.

Въ Остендѣ множество людей вступаютъ въ службу Доны Маріи.

Въ Бельгіи умеръ Князь Августъ д'Арембергъ, который, въ началѣ Французской революціи, былъ Членомъ Національнаго Конвента. У него хранилась

вся переписка Мирабо съ Дворомъ, которая нынѣ, вѣроятно, будетъ издана.

Бельгійская Палата Представителей опложила 5 числа засѣданія свои на неопредѣленное время. Въ Палатѣ Сенапоровъ, Министръ Финансовъ прочелъ 7 Октябрю Королевское повелѣніе, которымъ Законодательное Собраніе сего года закрывается. Въ засѣданіи Палаты Представителей 4 числа, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, Генералъ Гобле, въ тотъ же самый день возвратившійся изъ Лондона, объявилъ Палатѣ, что переговоры остались безъ результата, и что Бельгійскіе Уполномоченные возвратились изъ Лондона, въ слѣдствіе прекращенія оныхъ. Конференція не могла согласиться на счетъ Луксембурга, и потому желаютъ, чтобы Голландія обратилась по сему предмету къ Германскому Сейму; до полученія же отвѣта Конференція прекратила свои засѣданія.

Въ Ганноверской официальной газетѣ отъ 9 Октябрю напечатаны слѣдующіе докуменсты: 1-е Королевскій рескриптъ, подписанный въ Виндзорѣ 26 Сентября, которымъ утверждается съ нѣкоторыми измѣненіями, предложенное Штатами новое Государственное Уложеніе Королевства Ганноверскаго; 2-е самый законъ сей; 3-е Королевское повелѣніе о порядкѣ засѣданій Штатовъ. 4-е Королевскій рескриптъ, которымъ Е. В. Герцогъ Кембрижскій утверждается въ званіи Намѣстника Его Величества и Вице-Короля Ганноверскаго; 5-е Прокламація, которою распускается нынѣшнее собраніе Штатовъ, и созывается новое.

12-го Октябрѣ.

ВЫПИСКИ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢЧАНІЯ.

Въ одной изъ предъидущихъ книжекъ Сына Отечества мы говорили, что во Францію прибылъ новый Сѣверо-Американскій Посланникъ Г. Левингстонъ. Въ нѣкоторыхъ подробности о семъ замѣчательномъ челоѣкѣ. Г. Эдуардъ Левингстонъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ публицистовъ нашего времени. Луизіанскій Сенатъ поручилъ ему составленіе Уголовнаго Уложенія, сообразнаго съ потребностями нынѣшняго просвѣщенія. Г. Левингстонъ представилъ въ 1832 году проектъ Уложенія, въ которомъ уничтожалась смертная казнь; докладъ, приложенный при семъ кодексъ, былъ переведенъ на Французскій языкъ нынѣшнимъ Членомъ Палаты Депутатовъ, Г. Тамьяндѣ, и обратился на Г. Левингстона вниманіе не только Сѣверной Америки, но и всѣхъ законодательвъ въ Европѣ. Въ послѣдствіи Г. Левингстонъ былъ избранъ отъ Штата Луизіаны Депутатомъ въ Сѣверо-Американскую Палату Представителей. По приказанію этой Палаты, Кодексъ Г. Левингстона напечатанъ въ 1828 въ Вашингтонѣ. Онъ состоитъ изъ трехъ частей: 1-е Положеніе о преступленіяхъ и наказаніяхъ; 2-е Положеніе объ уголовномъ судопроизводствѣ, и 3-е Положеніе о внутреннемъ устройствѣ тюремъ. Сія послѣдняя часть издана въ Парижѣ Г. Карломъ Люка. Всѣ Европейскіе филантропы съ нетерпѣніемъ ожидали разсмотрѣнія сего творенія въ Конгрессѣ. Но Г. Левингстонъ былъ назначенъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и это отвлекло его отъ ученыхъ занятій.

— Изъ свѣдѣній, собранныхъ въ Англіи, о разныхъ

обществахъ, устроившихся по акціямъ, видно, что выгоды всѣхъ изъ нихъ тѣ, которыя имѣли цѣлю устроить каналы. Только 16 или 17 изъ сихъ обществъ приносятъ своимъ акціонерамъ менѣе 5 на 100 дивиденда (*); 20 даютъ отъ 16 до 17 на сто; 3 отъ 20 до 25; 4 отъ 32 до 37½; одно 40%, одно 47, и наконецъ еще одно (каналъ Лонгбороугскій) приноситъ 144 на 100 дивиденда, и акціи его, которыя стоили первоначально 100 ф. ст., продаются нынѣ по 1810 ф. с. Во Франціи совсѣмъ другое: тамъ только немногія изъ обществъ, проводившихъ каналы, продаютъ акціи свои безъ убытка. Изъ чугунныхъ дорогъ въ Англіи только двѣ приносятъ отъ 8 до 8½ дивиденда, именно дороги изъ Манчестера въ Ливерпуль, и изъ Спектона въ Дарлингтонъ. Изъ 70 Компаній, имѣющихъ предметомъ орошеніе газомъ, 43 приносятъ менѣе 5 на 100; 4—6%; 3—7 и 7½, 4—10%, и только одна 12 на 100. Изъ Компаній морскихъ застрахованій только немногія приносятъ по 7 на сто. Изъ Банковъ только одинъ Бирмингемскій даетъ 10% дивиденда; остальные всѣ приносятъ 3% или не болѣе 6.

Молодой Русскій пѣвецъ Г. Ивановъ, находившійся въ Италіи, ангажированъ къ Парижскому Италіянскому Театру, и дебютировалъ 2 Октября. Вотъ, что говорятъ о немъ въ *Journal des Débats*. „Дебютъ молодого Русскаго тенора Иванова всего болѣе занималъ публику въ этомъ представленіи. Дебютантъ явился на сцену въ костюмъ Перса,“ (въ Оперѣ Дондзешши: Anna Bolena) „въ ту минуту, когда онъ встрѣчаетъ друга своего Рошфорпа близъ замка Виндзорскаго. Молодому Иванову должно быть 22 или 23

(1) Не надобно забывать, что въ Англіи капиталъ, отданный въ чуждыя руки, приноситъ не болѣе 2 или 3%. *Прим. Изд.*

года.“ (Онъ старше: ему 26 или 27 лѣтъ; пишущій сія спрочи знаетъ его лично.) „Онъ высокъ и тонокъ; фizioномія его выражаетъ попеременно, то кротость, то энергію. Роль его начинается разговоромъ, потомъ речипашивомъ, въ которомъ пѣвецъ, искусно произнеся нѣкоторые пассажи, успѣлъ уже предупредить слушателей въ свою пользу. Невозможно, чтобы всѣ присутствующіе не вспомнили Рубини, когда Ивановъ началъ кавашину: *Da quel di* и проч., но въ голосъ новаго тенора есть что-то столь юное, столь чистое, столь серебристое, манера его столь оригинальна, что всѣ идеѣ о сравненіи въ минутому разсыпались. Пока Ивановъ пѣлъ эту кавашину, въ театръ слышался одобришельный шопотъ. Голосъ Иванова теноръ во всей чистотѣ своей. Грудные тоны раздаются у него съ необыкновенною силою, и хотя искусство и упражненіе не сдѣлали еще нечувствительнымъ перехода отъ оныхъ къ голосу головному, но Природа такъ благосклонна къ этому пѣвцу, что переходъ сей трудно замѣнить, даже и наблюдая за нимъ со вниманіемъ. Но надобно сказать еще разъ: Ивановъ молодъ, и если, какъ это и должно быть, онъ еще имѣетъ недоспашокъ, неразлучный съ его возрастомъ, неопытность, то надобно удивляться природному таланту, который даетъ этому пѣвцу возможность принести удовольствіе публикѣ въ роли, которую Рубини, пѣвецъ неподражаемый, выполнялъ съ такимъ необыкновеннымъ и вполне заслуженнымъ успѣхомъ. Въ игрѣ Иванова замѣтна была понятливость и часто даже сила. Онъ былъ очень хорошъ въ квинтесъсъ перваго дѣйствія и въ шріо втораго. Ему много аплодировали, когда въ этомъ шріо, обращаясь къ Аннѣ Болентъ, онъ паноминаетъ ей прежнюю любовь ихъ. Наконецъ послѣднею арією онъ про-

извелъ такой восторгъ, что со всѣхъ сторонъ требовали, чтобы онъ еще разъ прочелъ ее, и Ивановъ повторилъ съ новымъ успѣхомъ, при громѣ новыхъ рукоплесканій.“ — По окончаніи пьесы Ивановъ былъ вызванъ. — Въ эпоху же разъ дебютировала молодая пѣвица. Г-жа Шульцъ, принятая также съ большимъ одобреніемъ.

— Извѣстный Историкъ Капфигъ издалъ новое сочиненіе: *Иаковъ II въ Сень-Жерменъ*.

— Въ Парижѣ и Лондонѣ вышли въ одно время *Записки Кюве*, составленныя по документамъ, сообщеннымъ отъ его родственниковъ.

— Въ одномъ Журналѣ говорятъ, что купеческихъ кораблей во Франціи было, въ 1850 году 14.851, въ 1851 г. 15.051, а въ 1852-мъ 15.224.

— Увѣряютъ, что гуако, расшеніе, находимое на Мексиканскихъ берегахъ, есть вѣрное лекарство отъ желтой лихорадки. Капитанъ корабля Мелеагръ привезъ въ Брестъ три опроска этого деревца, и отдалъ ихъ въ Ботаническій Садъ.

Опечатки въ No 38 Сына Отечества:

Стр.:	Строк.:	Напечатано:	Читай:
251 съ низу	4	шемноша	шепноша
255 съ верху	7	въ изнеможеніи	въ измѣненіи
261 —	8	что пища	что пневма
266 —	12	съ содовою	съ іодовою
—	16	хиноіодинъ	хиноидинъ
269 съ низу		способа,	способа леченія,

Конецъ тридцать восьмой части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТРИДЦАТЬ ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

(Сына Отечества части 160-й, Севернаго Архива 74-й.)

Стран.

I. Изящная Словесность.

1. Роснъ вѣщъ Корнеліусъ Повѣсть Бель-
зка (Окнч.) 5
2. Полюбовиля сдѣлка 97 и 197
3. Снъ и чумокъ (Повѣсть Польдинга) . . . 293

II. Биографія.

- Осѣачъ Прокоповичъ 26

III. Исторія.

- Краткое обозрѣніе Шведскаго Законодатель-
ства 141

IV. Русская Исторія.

- Дѣйствія Р с ійскаго флота на Днѣпров-
скомъ лиманѣ 1788 года 53

V. Новая Исторія.

- Феодальная система 340

VI. Химія.

- Извѣстія о Бинеліевой водѣ, сообщенныя
Докторомъ Эдуардомъ Грете 155

VII. Педагогія.

- О преимуществѣ воспитанія юношества въ
публичныхъ государственныхъ заведеніяхъ
п едѣ частнымъ или домашнимъ 225

VIII. Критика.

1. Нѣчто о книгѣ: Опытъ Системы Прак-
тической Медицины Прохера Чирков-
скаго 245
2. Мысли Камчатскаго жителя о Романѣ:
Камчадалка 356

IX. Современная Политика.

- Обозрѣніе новѣйшихъ происшествій 75, 177,
271, 304 и 386

X. Смѣсь.

- Выписки, извѣстія и замѣчанія 91, 193, 287, 319
и 400